

18+

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

*длинная пьеса
для чтения*

Илья Тель

Палимпсест романа Ф.М. Достоевского «Идиот»

Илья Тель

**Китайская ваза. Длинная
пьеса для чтения**

«Издательские решения»

Тель И.

Китайская ваза. Длинная пьеса для чтения / И. Тель —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532792-5

Главные герои романа Достоевского «Идиот» обречены на безысходные горести и мытарства, на боль и ужас. Почему их судьбы разбиваются как китайская ваза в доме Епанчиных? Почему в конце пути перед ними возвышается неприступная Мейерова стена? Чье злое пророчество пишется жизнями этих людей? Какая неодолимая сила виновата в человеческой драме? Истину должен установить суд. Найдет ли он эту истину в хитросплетениях загадочной истории? Жанр «Китайской вазы» необычен — длинная пьеса для чтения...

ISBN 978-5-00-532792-5

© Тель И.

© Издательские решения

Содержание

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»	6
Китайская ваза	11
Действие первое	12
Действие второе	21
Действие третье	28
Действие четвертое	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Китайская ваза

Длинная пьеса для чтения

Илья Тель

Андрей Капустин *Дизайнер обложки*

© Илья Тель, 2021

© Андрей Капустин, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2792-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[Аглая Епанчина князю Мышкину]

Разбейте по крайней мере китайскую вазу в гостиной! Она дорого стоит; пожалуйста, разбейте; она дареная, мамаша с ума сойдет и при всех заплачет, – так она ей дорога. Сделайте какой-нибудь жест, как вы всегда делаете, ударьте и разбейте.

При последних словах своих он (князь Мышкин –) вдруг встал с места, неосторожно махнул рукой, как-то двинул плечом – и... раздался всеобщий крик! Ваза покачнулась, сначала как бы в нерешимости: не упасть ли на голову которому-нибудь из старичков, но вдруг склонилась в противоположную сторону, в сторону едва отскочившего в ужасе немчика, и рухнула на пол. Гром, крик, драгоценные осколки, рассыпавшиеся по ковру, испуг, изумление, – о, что было с князем, то трудно да почти и не надо изображать! Но не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившимся из толпы всех других смутных и странных ощущений: не стыд, не скандал, не страх, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество! *И.Т.*

Ф. М. Достоевский. «Идиот».

Часть четвертая. Глава VII

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» Краткое содержание

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881) работал над романом «Идиот» в 1867—1869 годах: первая запись сделана в сентябре 1867 года, заключительная – в январе 1869 года.

Произведение впервые опубликовано в журнале «Русский вестник» в 1868 году: №№1, 2, 4—12 и приложение к №12, с посвящением племяннице писателя С. А. Ивановой.

Действие разворачивается в 1867—1868 годах. Роман состоит из четырех частей, разбитых на главы.

Часть первая

Ноябрь 1867 года. Князь Лев Николаевич Мышкин, двадцати шести лет от роду, возвращается в Петербург из Швейцарии после продолжительного лечения от нервной болезни.

В поезде Мышкин знакомится с Парфеном Рогожиным, унаследовавшим огромное состояние после смерти отца, и Лебедевым, который походит на «закоружлого в подьячестве чиновника».

Мышкин посещает дом генерала Епанчина. Супруга генерала – Елизавета Прокофьевна – единственная дальняя родственница князя.

Мышкин знакомится с генералом Иваном Федоровичем Епанчиным и его секретарем Гаврилой Ардалионовичем (Ганей) Иволгиным, затем – с Елизаветой Прокофьевной и тремя девицами Епанчиными: Александрой, Аделаидой и Аглаей. Младшая дочь Епанчиных Аглая привлекает особое внимание князя.

Мышкину попадает фотография Настасьи Филипповны Барашковой, о которой рассказывал в поезде Рогожин. Красота Барашковой потрясает.

Мышкин узнает драматичные подробности жизни Настасьи Филипповны, оставшейся в раннем детстве сиротой, и взятой на содержание богатым аристократом Афанасием Ивановичем Тоцким. Пользуясь своим положением, Тоцкий вступает в связь с Барашковой, которой не исполнилось и шестнадцати.

Барашкова, неожиданно приехавшая в Петербург пять лет назад, угрозой скандала срывает Тоцкому выгодный брак.

Тоцкий и генерал Епанчин обдeldывают женитьбу Гани Иволгина на Настасье Филипповне. Пристроив Барашкову, Тоцкий надеется утихомирить ее и взять в жены старшую дочь генерала Епанчина Александру.

Тщеславный Ганя, влюбленный в Аглаю Епанчину, готов жениться на Барашковой из-за приданного, назначенного Тоцким: семидесяти пяти тысяч рублей.

Иван Федорович Епанчин устраивает Мышкина в квартиру Иволгиных. Вечером там неожиданно появляется Настасья Филипповна. Мать и сестра Гани презирают «падшую женщину». Сестра плюет в лицо Гавриле Ардалионовичу. Ганя собирается ударить сестру, но за нее вступает Мышкин. Князь получает пощечину от взбешенного Гани.

В квартире Иволгиных появляется и Рогожин с пьяной ватагой, обещая Настасье Филипповне деньги в качестве «доказательства» своей любви.

Вечером того же дня Настасья Филипповна отмечает двадцатипятилетие. Гости играют в пети-жэ (*petits jeux*) – салонную игру, рассказывая самые постыдные истории из своей жизни. Тоцкий ни словом не поминает о связи с Настасьей Филипповной, а рассказывает историю про камелии. *фр.*

Мышкин без приглашения отправляется на день рождения к Барашковой, где решается ее замужество с Иволгиным. Мышкин в присутствии гостей отговаривает Барашкову от брака

с Ганей, изъявляя готовность взять Настасью Филипповну в жены. Выясняется, что Мышкин унаследовал значительное состояние.

В доме Настасьи Филипповны появляется Рогожин с компанией, «бросающий к ногам» своей возлюбленной сто тысяч рублей.

Барашкова и Рогожин выказывают презрение Гане Иволгину. Настасья Филипповна бросает сверток с деньгами Рогожина в камин, предлагая алчному Гане забрать их себе. Иволгин не берет деньги, падая в обморок.

Барашкова уезжает кутить с Рогожиным. Перед отъездом она оставляет сто тысяч Гане. Однако впоследствии Иволгин, через Мышкина, возвращает деньги Настасье Филипповне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Проходит полгода. Настасья Филипповна мечется между Рогожиным и Мышкиным, сбегающая из-под венца.

Мышкин возвращается в Петербург и наносит визит Лебедеву, у которого снимает дачу в Павловске.

Князь навещает Рогожина в его доме на Гороховой. Он обращает внимание на садовый нож, которым Рогожин режет книжные страницы. Рогожин и Мышкин обмениваются крестами и становятся названными братьями. Рогожин знакомит князя с больной матушкой для благословения.

Общаясь с Рогожиным, Мышкин обещает не мешать ему и Барашковой, но при этом не способен забыть Настасью Филипповну. Он думает о том, что Рогожин непременно убьет ее, а также допускает возможность своей смерти от руки Рогожина.

Рогожин вынашивает мысль об убийстве Мышкина, который встал на его пути к сердцу Настасьи Филипповны. Возвращаясь в трактир, Мышкин сталкивается с Рогожиным и видит занесенный нож. С Мышкиным случается эпилептический припадок. Рогожин убегает.

Мышкина перевозят на дачу к Лебедеву в Павловск, где находится семейство Епанчиных и, по слухам, Настасья Филипповна.

Вечером на даче собирается большая кампания: Мышкин, Епанчины, жених Аделаиды Епанчиной князь Щ., Лебедев и Иволгины, а также Евгений Павлович Радомский, имеющий виды на Аглаю Епанчину.

Неожиданно появляется группа молодых людей: Антип Бурдовский, Ипполит Терентьев, племянник Лебедева Владимир Докторенко и Келлер. Они заявляют моральные права на долю в наследстве Мышкина на том основании, что Антип Бурдовский, живущий в большой нужде, является внебрачным сыном Павлищева, который до своей смерти содержал Мышкина и оплачивал его лечение в Швейцарии.

Для психологического давления на Мышкина в газете публикуется порочащий князя фельетон.

Ганя Иволгин, нанятый Мышкиным для разбирательства дела, доказывает, что Бурдовский не может быть сыном Павлищева. Выясняется, что участие в подготовке фельетона принимал Лебедев, который, ссылаясь на свою низость, на голубом глазу «винится» перед Мышкиным.

Мышкин расшаркивается перед проходимцами, ощущая себя виноватым. Доброта Мышкина, потакающего беспринципным мерзавцам, вызывает негодование Елизаветы Прокофьевны.

Больной чахоткой Ипполит Терентьев уничижительно отзывается о Мышкине.

Уходя от Мышкина, Епанчины и Евгений Павлович Радомский встречают проезжающую в коляске Настасью Филипповну, которая компрометирует Радомского, чтобы расстроить его брак с Аглаей Епанчиной. Впоследствии Настасья Филипповна повторно компрометирует Радомского в глазах Епанчиных, провоцируя конфликтную ситуацию на вокзале.

Часть третья

Между Мышкиным и Аглаей Епанчиной возникает привязанность, которая беспокоит Елизавету Прокофьевну.

На дне рождения князя Мышкина Ипполит Терентьев читает свою исповедь «Мое необходимое объяснение». Терентьев болен чахоткой и вскоре умрет. Он задается вопросом: зачем ему жить последние недели, почему он не может свести счеты с жизнью, зачем Богу нужно его мучение, если все кончено? Свое право уйти из жизни Терентьев называет «последним убеждением».

Молодой человек совершает попытку самоубийства, но забывает вставить в пистолет капсуль. Терентьев становится объектом насмешек. Мышкин защищает Терентьева.

Настасья Филипповна находится в переписке с Аглаей Епанчиной, уговаривая ее выйти замуж за князя Мышкина.

На свидании Аглая Епанчина предлагает князю стать ее другом. Мышкин понимает, что любит Аглаю.

Мышкин встречается с Настасьей Филипповной и Рогожиным. Барашкова говорит, что видит Мышкина в последний раз.

Часть четвертая

Князь Мышкин объявлен женихом Аглаи Епанчиной. На даче Епанчиных проходят «смотрины» Мышкина. Князь, разгорячившись, разбивает дорогую китайскую вазу и переживает очередной припадок.

В Павловске происходит встреча Аглаи Епанчиной, Мышкина, Настасьи Филипповны и Парфена Рогожина.

Аглая упрекает Барашкову в двуличии и неподобающем вторжении в чужую жизнь.

Уязвленная Настасья Филипповна, в порыве мщенья, призывает Мышкина решить: с кем он.

Мышкин разрывается между Аглаей и Настасьей Филипповной. Он истово любит Барашкову пресловутой любовью-жалостью. Уязвленная Аглая Епанчина уходит прочь.

Мышкин встречается с Евгением Павловичем Радомским. Тот говорит о тяжелом состоянии Аглаи Ивановны, укоряя князя в неспособности сделать верный выбор. Мышкин тяжело переживает происходящее. Его психическое состояние ухудшается день ото дня.

Наступает день венчания Мышкина и Настасьи Филипповны. На пути в церковь Барашкова видит в толпе Рогожина и сбегает с ним из-под венца.

Мышкин отправляется в Петербург на поиски Настасьи Филипповны. Несколько раз появляется в доме Рогожина, который скрывается от князя. Вскоре Рогожин сам находит Мышкина и приводит к себе.

Рогожин убил Настасью Филипповну: зарезал тем самым садовым ножом. Мышкин и Рогожин остаются на ночь в комнате с трупом Барашковой, окруженным ждановской жидкостью для нейтрализации запаха.

Психическая болезнь Мышкина обостряется, он превращается в идиота.

Рогожина, вылечившегося от воспаления мозга, судят, приговаривая к пятнадцати годам каторги. Состояние отца переходит к младшему брату Парфена Рогожина Семену Семеновичу к большому удовольствию последнего.

Евгений Павлович Радомский перевозит Мышкина в Швейцарию на лечение.

Ипполит Терентьев умирает вскоре после смерти Настасьи Филипповны «в ужасном волнении».

Лебедев, Ганя и многие другие «лица нашего рассказа живут по-прежнему, изменились мало».

Аглая Епанчина выходит замуж за проходимца-заговорщика, выдававшего себя за польского аристократа, и пускается во все тяжкие. Применительно к ее будущему Достоевский использует многозначительное слово «террор».

* * *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (в порядке появления) ¹

Судья

Адвокат

Прокурор

Парфен Семенович Рогожин*

Лев Николаевич Мышкин (князь Мышкин) *

Делопроизводитель

Настасья Филипповна Барашкова*

Афанасий Иванович Тоцкий*

Гаврила Ардалионович (Ганя) Иволгин*

Елизавета Прокофьевна Епанчина*

Евгений Павлович Радомский*

Лукьян Тимофеевич Лебедев*

Герман Гессе

Аглая Ивановна Епанчина*

Ведущий программы «Виновен!»

Семен Семенович Рогожин*

Ипполит Терентьев*

Федор Михайлович Достоевский

Православный священнослужитель отец Федор

Зигмунд Фрейд

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)

Странный человек – фельдъегерь, напоминающий персонажа картины Ганса Гольбейна

Младшего «Мертвый Христос в гробу»

Уборщица

Делопроизводитель ведет протокол заседания и трактует материалы дела.

КОММЕНТАРИИ

(1877—1962) – выдающийся немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1946), автор романов «Сиддхартха», «Степной волк», «Игра в бисер», других произведений. В 1919 году написал «Размышления о романе „Идиот“». См., в частности: Магия книги: Эссе о литературе. – СПб: Лимбус Пресс. ООО «Издательство К. Тублина», 2019. С. 292—303. **Герман Гессе** *Гессе Г.*

(1856—1939) – выдающийся психолог и социальный мыслитель, основатель психоанализа. В статье «Достоевский и отцеубийство», написанной в 1928 году в качестве предисловия к учебному изданию романа «Братья Карамазовы», рассматривает личность и творчество Ф. М. Достоевского с точки зрения психоанализа. **Зигмунд Фрейд**

(1880—1934) – выдающийся русский писатель, автор романов «Серебряный голубь», «Петербург», других, многочисленных поэтических произведений. В 1905 году опубликовал статью «Ибсен и Достоевский» с критической оценкой творчества Ф. М. Достоевского. Из-под пера Андрея Белого в 1911 году вышла статья «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой».

Борис Николаевич Бугаев – Андрей Белый

¹ * – персонажи романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

Китайская ваза Длинная пьеса для чтения

Выездное заседание суда. Место действия – театр. На сцене – массивный постамент с человеческий рост с роскошной китайской вазой. За столами на двух возвышениях в центре сцены расположились судья и делопроизводитель. Справа и слева – кафедры адвоката и прокурора. В центре авансцены – стул для подсудимого: «скамья подсудимых». По бокам – стулья для других фигурантов дела. Над сценой – экран для общения в режиме видеосвязи. Материалы дела – текст романа Ф. М. Достоевского «Идиот» – не воспринимаются как роман...

Действие первое Парфен Рогожин

Судья бьет церемониальным молотком по специальной подставке, открывая заседание. На скамье подсудимых сидит равнодушный человек – Парфен Рогожин. В руках подсудимого – садовый нож, которым Рогожин механически режет страницы какой-то книги: по умолчанию – романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

СУДЬЯ. Уважаемые дамы и господа! Судебное заседание объявляется открытым. Слушается дело гражданина Рогожина Парфена Семеновича, обвиняемого в убийстве гражданки Барашковой Настасьи Филипповны. Как известно, подсудимый Рогожин... зарезал гражданку Барашкову... О-хо-хо-х... Гражданину Рогожину инкриминируется часть первая статьи 105-й уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающей наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

АДВОКАТ. Ваша честь! Как можно судить человека, отбывшего наказание?! Хочу напомнить, что гражданин Рогожин совершил убийство свыше ста пятидесяти лет назад, в 1868 году. Как следует из материалов дела, «был осужден, с допущением облегчительных обстоятельств, в Сибирь, в каторгу, на пятнадцать лет». Встретил вердикт суда стоически. Цитирую: «Выслушал свой приговор сурово, безмолвно и „задумчиво“». Не отнекивался, не юлил. Адвокату не подыгрывал!

Кроме того, гражданин Рогожин совершил преступление в состоянии аффекта, вызванного тяжелой и продолжительной болезнью: воспалением головного мозга, от которого, впоследствии, долго лечился. В соответствии с частью первой статьи 107-й уголовного кодекса Российской Федерации такое преступление наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Да что там аффекта! Рогожин еле выкарабкался и нельзя исключить, что в момент совершения преступления был попросту невменяем. В этом смысле прежний вердикт суда представляется, мягко говоря, спорным, а уж нынешнее разбирательство переходит все границы!

СУДЬЯ. Хорошо... По поводу аффекта, невменяемости и границ поговорим позже. Может быть. Но судить все равно надо.

АДВОКАТ. Но ваша честь!

СУДЬЯ. Вы что, господин адвокат, предлагаете нам разойтись?

АДВОКАТ. Да, ваша честь! Предлагаю закрыть судебный процесс и освободить гражданина Рогожина в зале суда. Пусть идет... на все четыре стороны.

ПРОКУРОР. Резать Барашкову.

СУДЬЯ. Бог с ней, с Барашковой... Что значит, «пусть идет»? А публика?!

АДВОКАТ. Что, публика?

СУДЬЯ. Как что? Что делать с публикой? Люди... э-э-э... сорвались... с работы, с дач. Им что, по домам расходиться?

АДВОКАТ. Да.

СУДЬЯ. Что значит «да»? Люди, между прочим, деньги заплатили, чтобы попасть сегодня в этот зал. Купили билеты! Процесс – резонансный. Все только о нем и говорят... Вы соображаете, что предлагаете, господин адвокат?

АДВОКАТ. Я вас, признаться, не понимаю. Мы здесь публику ублажаем или творим правосудие? Мы что, актеры... погорелого театра?

СУДЬЯ. Да как вы смеете!

ПРОКУРОР. Ваша честь, позвольте! У меня такое впечатление, что господин адвокат вчера на свет родился. Да, гражданин Рогожин совершил свое преступление свыше ста пятидесяти лет назад. Впервые совершил! **ВПЕР-ВЫ-Е!** Обращаю внимание собравшихся на слово «впервые». Ибо подсудимый совершает это преступление снова и снова. Все убивает и убивает, убивает и убивает Барашкову. И за сто пятьдесят лет гражданин Рогожин не сделал никаких выводов из случившегося. Он – рецидивист! Отъявленный! Статьи 18-я и 68-я уголовного кодекса Российской Федерации – «Рецидив преступлений» и «Назначение наказания при рецидиве преступлений» соответственно... Присовокупите сюда резонанс, неослабевающее общественное внимание к материалам дела. Ваша честь! Этой истории конца и края не видно. И на выходе – труп гражданки Барашковой. Сколько можно?! Надо что-то делать! Нет, вы посмотрите на подсудимого. Ножом играет. Тем самым. Странички в книжечке режет. Как ни в чем не бывало. Убийца!

АДВОКАТ. Прошу обвинение не вешать на моего подзащитного ярлыки. Убийца, рецидивист... Ну, убийца, ну... рецидивист, и что? И каждый раз идет на каторгу по закону. Гражданин Рогожин, сколько у вас ходок?

ПАРФЕН РОГОЖИН. Миллион. Со счета сбился.

АДВОКАТ. Вот! Мы что, будем судить человека по совокупности его преступлений, за каждое из которых он заплатил пятнадцатью годами жизни? Где это видано?!

ПРОКУРОР. Общество требует положить конец преступлению... преступлениям Рогожина.

АДВОКАТ. А, по-моему, общество ничего такого не требует... Но не в этом дело. Ваша честь! Я протестую. Да, мой подзащитный, гражданин Рогожин...

СУДЬЯ. Ну, хватит протестовать! Вы не на митинге. Протест отклоняется. Не забывайте, здесь не городской суд общей юрисдикции, здесь суд... особый, суд наивысшей инстанции, и прошлые судебные решения нам не указ. Наши полномочия – не ограничены и, в строгом смысле, законы нам тоже не писаны! Давайте разбираться по существу, вникать, так сказать, в суть вещей.

Да, Рогожина постоянно судят, судят за одно и то же преступление, всегда осуждают... Но ведь он совершает и совершает это свое злосчастное преступление. Режет эту чертову Барашкову и режет! Действительно, сколько можно?! Получается, что система не работает! И в этом смысле господин прокурор прав. А вы, господин адвокат, скажите спасибо, что вашего подзащитного не судят за убийство, совершенное с особой жестокостью.

ПРОКУРОР. А надо бы!

СУДЬЯ. А это, между прочим, совсем другое наказание – вплоть до высшей меры... Да... Так что вы предлагаете, господин прокурор?

ПРОКУРОР. Ваша честь! Прежде всего, предлагаю обратить внимание на важный аспект, не нашедший отражения в прошлых судебных решениях. А именно: намерении подсудимого совершить убийство гражданина Мышкина Льва Николаевича, князя, и покушении на убийство. Речь идет об известном событии в трактире. Глава пятая части второй материалов дела.

Очевидно, что прежнее судебное разбирательство над гражданином Рогожиным упустило из вида этот мрачную страницу его преступной деятельности, ибо суд не имел возможности узнать об этой странице по причине... э-э-э... отсутствия некоторых компетенций. В отличие от нашего суда, который имеет возможность рассмотреть материалы дела во всей полноте и увидеть жизненный путь подсудимого, что называется, без изъятий.

СУДЬЯ. Разумное замечание. Принимается.

ПРОКУРОР. Кроме того, налицо доведение гражданином Рогожиным Мышкина Льва Николаевича до сумасшествия, то есть умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Мышкина с применением трупа гражданки Барашковой.

Из материалов дела – глава одиннадцатая части четвертой – следует, что подсудимый Рогожин «перехватывает» Мышкина в пятидесяти шагах от трактира и признается, что поджидал его в коридоре – в том самом месте, где ранее намеревался убить Мышкина.

Ваша честь, невозможно без содрогания читать сцену понуждения подсудимым гражданина Мышкина к пребыванию в одной комнате с трупом гражданки Барашковой, окруженным сосудами со ждановской жидкостью. Какой выверенный цинизм, какое бессердечие! И все это – не спонтанно. Рогожин признается Мышкину, что собирался привести его ночевать в свой дом. Цитирую: «а потом еще думаю: я его ночевать сюда приведу, так чтоб эту ночь вместе...». А потом в разговоре, перед бездыханным телом (!), Рогожин, замечая дрожание Мышкина, походя поминает князю о его припадках.

АДВОКАТ. И муху зажужжавшую, проснувшуюся, что пронеслась над кроватью с телом Барашковой и затихла у изголовья, тоже Рогожин подговорил? Ваша честь, это какое-то судилице!

ПРОКУРОР. Идиот! *(в адрес адвоката)*

АДВОКАТ. От идиота слышу! *(в адрес прокурора)*

Судья бьет церемониальным молотком по специальной подставке, демонстрируя недовольство и прекращая препирательства.

СУДЬЯ. Господин адвокат, сторона обвинения привела весомые аргументы, изобличающие преступные деяния Рогожина. Они находят подтверждение в материалах дела. Что вы можете сказать нам по существу, без вашего «протестую»?

АДВОКАТ. Да, формально мой подзащитный зарезал гражданку Барашкову. Но, как я уже говорил, для любого непредвзятого наблюдателя очевидно, что Рогожин совершил преступление либо в состоянии патологического аффекта, либо в невменяемом состоянии. Человек страдал воспалением мозга! Об этом сказано в материалах дела, цитирую: «Рогожин выдержал два месяца воспаления в мозгу». Человек чуть не умер и ничего не соображал! Вот послушайте: «Вдруг Рогожин громко и отрывисто закричал и захохотал, как бы забыв, что надо говорить шепотом». Это, между прочим, свидетельство первоисточника.

Теперь насчет Мышкина... В сцене так называемого покушения Рогожина на Мышкина – много белых пятен. Достоверно известно одно: Рогожин Мышкина не убил. Аргументы господина прокурора относительно ночевки возле трупа Барашковой – свидетельство не вины, но болезненного безумия Рогожина. Если Рогожин – нормальный хладнокровный убийца, то почему он не спрятал труп, зачем поехал искать Мышкина, зачем постелил им вдвоем возле трупа Барашковой? Разве нормальный человек способен на такое? И если вы нормальный человек, то ответите на этот вопрос однозначно – никоим образом!

И потом... Знаете, обвинять Рогожина в том, что тот о чем-то думает и что-то задумал – нелепо! Мой подзащитный и в нормальном-то состоянии – человек импульсивного действия. Все его поступки – непредумышленные. Он в сердцах говорит Мышкину: «Да разве я думаю!». И вот это признание есть чистая правда! В объяснении Рогожина с Барашковой – после избития последней – подзащитный также выдает свою неспособность к устойчивой форме мысли и действия: «Не знаю, говорю, может, и думаю так». Может – так, а может – не так...

ПРОКУРОР. Странно, что господин адвокат начисто отказывает подсудимому в способности к обдумыванию своих поступков. Тем более, что обдумывание Рогожиным собственных действий – налицо. Задokumentированное обдумывание!

Сначала нож приобрел – садовый, который, однако, при себе оставил и страницы им режет в книге. Затем на вокзале Мышкина «встретил». После говорит с ним и смотрит на него так, будто настраивается... И сам же себе преграды творит, которые его и выдают: крестами меняется, благословение матери для Мышкина испрашивает... чтобы оградить себя от убийства, чтобы сделать замысел свой бесконечно злодейским и остановиться... Потом не может Мышкина обнять, а потом обнимает, будто в объятьях задушить собирается... И уступает ему

на словах Барашкову. И все вынашивает убийство, и все гонит мысль об убийстве от себя. И говорит, что за часы не зарезу, намекая на крестьянина, зарезавшего доброго своего знакомого за серебряные часы. А потом, как тот самый крестьянин, с молитвой на устах (!), названного брата своего – Мышкина – зарезать и собирается: только не за часы – за Настасью Филипповну. Ибо только через Мышкина не льнет она к Рогожину, как думает подсудимый. Ибо в Мышкина влюблена, да только не хочет губить его и мечется безнадежно... Нет, здесь – стратегия! Буйная, окаянная, но стратегия.

АДВОКАТ. Стратегия! Нет, вы слышали, – стратегия! Стыдно, господин прокурор! Вы намеренно искажаете факты в виду предвзятого отношения к гражданину Рогожину... Возьмите хотя бы главу одиннадцатую части четвертой материалов дела. Кто к кому пришел?! Мышкин к Рогожину или Рогожин к Мышкину? Помните, Барашкова упорхнула из-под венца, а Мышкин сам уехал из Павловска, с дачи, в Петербург и принялся искать свою так называемую возлюбленную. Прыгал по всему городу, сломя голову. А Рогожин прятался от него и совсем не хотел его видеть и ни к чему не принуждал.

Из материалов дела следует, что в самом начале своих поисков Мышкин приехал в Измайловский полк, цитирую, «на бывшую недавно квартиру Настасьи Филипповны» «ни жив ни мертв». После разговора с хозяйкой квартиры – «вдовой-учительшей», князь, цитирую, «встал совершенно убитый», он «ужасно как побледнел», «у него почти подсекались ноги». Обращаю внимание: разместившись в трактире на Литейной, князь Мышкин машинально заказал закуску, а потом «ужасно бесился на себя, что закуска задержала его лишнего полчаса, и только потом догадался, что его ничто не связывало оставить поданную закуску и не закусывать». А ведь Мышкин был трезв!

Он уже находился на грани безумия, испытывая, цитирую, «ощущение, мучительно стремившееся осуществиться в какую-то мысль». При этом Мышкин «все не мог догадаться, в чем состояла эта новая напрашивающаяся мысль». И не мог догадаться довольно долго. Одним словом, все мечется и мечется Лев Николаевич. Все ищет приключений на свою больную голову.

Во второй раз наведаясь к учительше, и, заметьте, цитирую, «все семейство заявляло потом, что это был на „удивление странный“ человек в этот день, так что, „может, тогда уже все и обозначилось“». При чтении сцены осмотра князем Мышкиным комнат Настасьи Филипповны мы замечаем нездоровый фетишизм. Экземпляр романа Флобера из библиотеки прикарманил! Один раз домой к Рогожину явился, во второй раз бросился, в третий... Но, конечно же, эти медицинские факты, перемены восприятия, изложенные в материалах дела черным по белому, ничего не говорят господину прокурору, преследующему единственную цель – опорочить моего подзащитного, оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

Мышкин внушил себе, что Рогожин к нему явится. Конечно, после всех этих хождений и внушений Рогожин не мог не явиться к Мышкину. Податливая душа Рогожина болеет за Мышкина! Да, Рогожин свидетельствует князю, что был в трактире, в коридоре, где ждал его, Мышкина. Но ведь Мышкин сам ушел из трактира на поиски Рогожина. Никто его оттуда не выгонял! А раньше Рогожин строго-настрого наказал своим домочадцам ничего не рассказывать о нем князю в случае появления последнего. И когда он увидел Мышкина, бросившегося к нему в четвертый раз, – то уже не смог скрыться и пройти мимо.

ПРОКУРОР. Хорошо. Давайте вернемся к покушению Рогожина на Мышкина в трактире...

АДВОКАТ. Говорю еще раз: запутанная история. Мало ли, кому что привиделось. Да и жертву, если таковая, конечно, намечалась, не допросишь.

ПРОКУРОР. Отчего же. Жертва – в наличии. И не просто жертва, но свидетель... обвинения. Мышкин Лев Николаевич.

АДВОКАТ. Какой же Мышкин свидетель? Он – в невменяемом состоянии, в Швейцарии.

СУДЬЯ. Господин прокурор, адвокат прав: что это за свидетель? Он же... овощ...

ПРОКУРОР. Медицина не стоит на месте! Мышкину значительно лучше. Его долго лечили и... вылечили... ну... или... подлечили. Так вот, Мышкин вменяем! Приглашаю свидетеля обвинения: гражданина Мышкина Льва Николаевича, князя.

Входит «божий одуванчик» Мышкин.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Ну, здравствуй, князь. Вот и ты пожаловал.

МЫШКИН. Здравствуй, Парфен Семенович! Знаю, знаю о твоей участи. Сколько же ты пострадал, Парфен! И я ведь перед тобой так виноват!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Виноват, говоришь, а сам в свидетели подрядился...

МЫШКИН. Нет-нет, Парфен, я только...

ПРОКУРОР. Лев Николаевич, не отвлекайтесь! Как вы себя чувствуете? Готовы дать показания по рассматриваемому делу?

МЫШКИН. Чувствую себя значительно лучше, практически хорошо. Не очень понимаю, где я, но показания дать готов.

АДВОКАТ. Как же вы, гражданин Мышкин, собираетесь давать показания, если не понимаете, где находитесь?

МЫШКИН. Так ведь это... как дышать! Тебя спрашивают, а ты говоришь правду. Это ведь так легко и приятно, говорить правду. Знаете, всегда нужно говорить правду. Всегда! Я давно это понял!

ПРОКУРОР. Вот и славно! Лев Николаевич, вы готовы дать показания по драматичному эпизоду в трактире, когда гражданин Рогожин намеревался вас убить.

МЫШКИН. Непременно готов. Было такое. В трактире, на лестнице, Парфен Семенович с ножом меня караулил. Руку, кажется, занес. Здесь со мной припадок случился. Падучей... Что было потом, признаться, почти не помню. В себя пришел, кажется, уже в Павловске, на даче у Лебедева.

АДВОКАТ. И что, свидетель Мышкин, зарезал вас Рогожин?

ПРОКУРОР. С жертвой преступного умысла случился припадок. Падучая и отвела.

СУДЬЯ. Господин делопроизводитель, это – ваша епархия. Так зарезал бы или не зарезал подсудимый гражданина Мышкина, не случись с ним припадка?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ (. Зарезал бы. *в некотором сомнении*)

АДВОКАТ. Это возмутительно!

ПРОКУРОР. Гражданин Мышкин, вы подтверждаете слова господина делопроизводителя?

МЫШКИН. Отношусь к господину делопроизводителю с большим уважением и симпатией, хотя и не имел чести свести с ним знакомство... Глядя на этого человека, вижу, сколь много и тяжело он страдал. Но слова господина делопроизводителя я подтвердить не берусь. Не могу. Вот.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. То есть, как?!

ПРОКУРОР. Я протестую!

СУДЬЯ. Вы то что протестуете? Мышкин – свидетель обвинения. Вы его сюда привели.

ПРОКУРОР. Гражданин Мышкин – не в своем уме.

АДВОКАТ. Протестую, ваша честь! Господин прокурор хочет лишит свидетеля законной субъектности.

СУДЬЯ. Протест принимается.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Ваша честь! В материалах дела представлено описание реакции подсудимого на вид Мышкина в падучей. Цитирую: «Надо предположить, что такое впечатление внезапного ужаса, сопряженного со всеми другими страшными впечатлениями той минуты, – вдруг оцепенили Рогожина на месте и тем спасли князя от неизбежного удара ножом, на него уже падавшего». Неизбежного! На него уже падавшего! Думается, такое описание

является абсолютным доказательством намерения подсудимого Рогожина совершить убийство гражданина Мышкина.

АДВОКАТ. Абсолютным?! Это так мы теперь в суде выстраиваем доказательную базу? Мой подзащитный сам не знает, что сделает в следующую секунду! Вспыльчив! Ревнив! Непоследователен!

МЫШКИН. Вы, господин прокурор, и вы, господин делопроизводитель, простите меня великодушно. Я вижу, что виноват перед вами, ибо огорчил вас чрезмерно. Знаете, я тоже думал, что Парфен Семенович хотел меня зарезать. То есть, тогда я был вполне уверен и всегда был вполне уверен, что непременно хотел... зарезать... Теперь же... никак не уверен. Может, Парфен Семенович посмотрел бы мне в глаза и отдал мне тот садовый нож, которым он страницы книжные режет. Вот тот... Он ведь до того еще никого не убивал. Если бы не было со мной того припадка, посмотрел бы он мне в глаза и сказал: «Бог с тобой, Лев Николаевич, вот, возьми проклятый нож, брат мой названный...». Понимаете, тогда думал, что зарежет. Глаза его мне везде мерещились. А теперь, здесь и сейчас, это ведь другое дело. Это ведь что-то уже совсем другое! И всегда нужно говорить правду. *(Дрожащей рукой Мышкин показывает на нож в руках Рогожина.)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Да зарезал бы я тебя! Как пить дать! Даже не знаю, что меня остановило...

ПРОКУРОР. Нет, вы видите!

АДВОКАТ. Признание подсудимого касательно собственных намерений – бездоказательно!

МЫШКИН. Что вы такое говорите, господин прокурор... Ах, господин судья, не слушайте его!

СУДЬЯ. Кого?

МЫШКИН. Обоих. Ни господина прокурора, ни Рогожина. Разве может такой порывистый и хороший человек как Парфен Семенович ведасть: зарежет или нет. Я почему-то уверен, что он меня никак не мог зарезать. Наверное, хотел зарезать, уже почти решился, но не зарезал бы ни за что. Нет, не могу грех на душу брать! Не буду! Не буду говорить о том, чего не случилось, как о свершившемся факте.

АДВОКАТ. Ваша честь! Позвольте мне обратить внимание на один красноречивый эпизод, когда гражданин Мышкин в самом конце дела расспрашивает подсудимого касательно его намерения убить Настасью Филипповну: «Хотел ты убить ее перед моей свадьбой, перед венцом, на паперти, ножом». И тут же наседает: «Хотел или нет?». А подсудимый в этот момент неподдельной механической искренности говорит: «Не знаю, хотел или нет...». И отвечает, цитирую, «сухо», «как бы даже подивившись на вопрос и не уразумев его». Подсудимый сам не знает, убьет или не убьет. Совершенно того не ведает! Как карта ляжет... Может быть, хотел убить, а может, и не хотел. Может, убил бы, а может, и не убил. Все так зыбко...

ПАРФЕН РОГОЖИН. А вот это очень может быть, что не убил. Почем мне знать, убил бы или нет.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. То есть как это, не убил бы? Мне лучше знать, убили бы вы гражданина Мышкина или не убили. В материалах дела...

ПАРФЕН РОГОЖИН. Рот свой закрой, умник!

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Да вы знаете, с кем говорите! *(поднимается из-за стола)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Да уж знаю! Крыса канцелярская... Пуп земли выискался... Если бы не женщины в зрительном зале, сказал бы, куда тебе пристроиться.

АДВОКАТ. Ваша честь! Мы все относимся к господину делопроизводителю с большим уважением... Хотя и видим его в первый раз. Да... Но я прошу господина делопроизводителя не ограничивать в законных правах других участников процесса.

СУДЬЯ. Да... Господин делопроизводитель, прошу вас не наседать... А Мышкин... Ведь Мышкин прав. Как же Рогожин мог его зарезать в самом начале дела? Представьте себе, что зарезал бы. Так ведь и не было бы дальнейшего! Никакого дела! Понимаете, о чем я говорю? И даже, не случись с гражданином Мышкиным падучей, Рогожин ни за что бы его не зарезал, потому что время резать-то никак не пришло!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Правильно! Что время тогда не пришло, то правильно.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Что значит, не случись с Мышкиным падучей! Как же без падучей?! Только потому и не зарезал, что падучая случилась! *(вскакивая со стула и вскипая)*

СУДЬЯ. Прошу вас, сядьте... за стол, и займитесь протоколом заседания. Что вы в самом деле! Здесь идиотов нет. Сядьте, уважаемый господин делопроизводитель. Я говорю, сядьте! *(бьет церемониальным молотком по специальной подставке). (Обращается к делопроизводителю.) (Делопроизводитель продолжает стоять.) (Обиженный делопроизводитель садится за стол.)*

АДВОКАТ. Мой подзащитный – человек порыва с форменной кашей в голове. Вот послушайте, что гражданин Рогожин говорит Мышкину у трупа Настасьи Филипповны: «... я, парень, еще всего не знаю теперь, так и тебе заранее говорю, чтобы ты все про это заранее знал...». Единственное, что знает Рогожин наверняка, так это про тот самый нож, которым он убил и что в Павловск его не возил, и что убил утром, в четвертом часу. Все! Я повторяю: вспыльчив, ревнив, непоследователен... Влюблен... и... не здоров. Не здоров! Моему подзащитному нужна врачебная помощь, включая помощь психиатра.

ПРОКУРОР. Гражданина Рогожина следует судить за убийство, совершенное с особой жестокостью.

АДВОКАТ. Что? Интересно, где это господин прокурор выискал особую жестокость? Ваша честь, о какой жестокости, тем более, особой может идти речь?! Убил ножом. Ударил прямо в сердце. Как следует из материалов дела, нож прошел на полтора или даже на два вершка. Под самую левую... грудь... Нет, все это, конечно, неприятно, но ведь Рогожин убийство совершал, а не роды принимал. Далее читаем, что «крови всего этак с пол-ложки столовой на рубашку вытекло: больше не было...». Все! Рогожин что, пытал Барашкову, волосы на ней жег, над телом надругался, прости господи?

ПРОКУРОР. Может, и надругался. Экспертизы не было.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Я сейчас над тобой надругаюсь, гнида!

ПРОКУРОР. Вот-вот. Посмотрите на него! Широкой души человек. Сузить бы!

АДВОКАТ. Я убежден, что в убийстве гражданки Барашковой виноват кто угодно, но только не мой подзащитный. Он же ее, в конце концов, любил... Обратите внимание: явились в дом на Гороховой вечером, а убил Рогожин Барашкову утром, в четвертом часу. Что же мы видим – глазами Мышкина, между прочим, – вокруг ложа Барашковой? «Кругом в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати на креслах, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое белое шелковое платье, цветы, ленты. На маленьком столике, у изголовья, блистали снятые и разбросанные бриллианты. В ногах сбиты были в комок какие-то кружева...». Да... Страсть! Однако, страсть! Наверное, распалила, поманила, а потом... дала... от ворот поворот... И так не так, и эдак не эдак. Ох уж эти женщины! Да... А, между тем, в этот самый момент у больного Рогожина все его нутро бушует!

Я убежден, ваша честь, что гражданка Барашкова сама виновата в своей смерти. Вот мы на Рогожина пальцем показываем. А почему Рогожин все убивает и убивает? Да потому что гражданка Барашкова целенаправленным образом доводит его до исступления. Причиняет тяжкий вред психическому здоровью человека непостоянством в отношениях. А мой подзащитный...

Так вот если говорить по сути... Ваша честь! Защита настаивает на реабилитации гражданина Рогожина и снятии судимости. Господин прокурор идет хоженным путем. Помилуйте,

пятнадцать лет, пятнадцать лет... Пятнадцать лет, пятнадцать лет... Вот уж действительно: сколько можно! Прокурор говорит, что Рогожин все убивает и убивает. Так если он убивает, то дело, может быть, и не в Рогожине вовсе, не в убийце, а в убитой, то есть в убиваемой!

ПРОКУРОР. Это неслыханно! Доведение человека до убийства убитым. Такой статьи даже в нашем уголовном кодексе не выдумали.

СУДЬЯ. Это не страшно... А что... интересное суждение... Продолжайте, господин адвокат.

Прокурор удивляется и мрачнеет. Адвокат победоносно ободряется.

АДВОКАТ. Ваша честь! Господин прокурор и примкнувший к нему господин делопроизводитель с его буквальной, трафаретной трактовкой происходящего уводят суд в примитивное, шаблонное русло... Наша дискуссия напоминает толчение воды в ступе. Но ведь этот великий процесс выходит за рамки обвинения моего подзащитного в убийстве гражданки Барашковой. Мы что, занимаемся перетягиванием каната, словесной эквилибристикой? Нет и еще раз нет! Мы находимся в поисках большой, значительной истины. И вот, силясь прийти к этой истине, я задаюсь вопросом: а почему в убийстве всегда виноват убийца? И я не то что не отрицаю сам факт убийства гражданином Рогожиным гражданки Барашковой, но даже не беру во внимание состояние, в котором находился Рогожин в момент совершения этого убийства, и даже какие-то другие смягчающие обстоятельства. Да, мой подзащитный – убийца. Рогожин убил гражданку Барашкову. Но делает ли это обстоятельство Рогожина преступником? Вот, о чем мы должны спросить себя. Сегодня происходит пересмотр многих фундаментальных понятий и...

ПРОКУРОР. Протестую, ваша честь! Изыскания господина адвоката...

СУДЬЯ. Протест отклоняется.

ПРОКУРОР. Ваша честь! А как быть с доведением гражданином Рогожиным до безумия Мышкина Льва Николаевича? Нет, ну, хорошо, убил Барашкову. Бывает. Убил человек другого человека. В порыве, так сказать... Бывает, черт возьми! Но зачем же понуждать Мышкина спать рядом с трупом Барашковой?!

СУДЬЯ. Да помолчите вы, наконец! Безумного до безумия довели. Горе-то какое!

МЫШКИН. Я, ваша честь, не в претензии к Парфену Семеновичу за это соседство. Я бы и сам лег рядом с покойницей. Я, конечно, не думал, что сделаюсь после этого таким нездоровым. Но где же мне еще спать было?

АДВОКАТ. Я хочу задать вопрос господину делопроизводителю... Уважаемый коллега, скажите: а зачем, собственно, гражданке Барашковой жить?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. То есть, как это, зачем? Хотя... в том виде, в котором Барашкова предстает в материалах дела жить ей, в общем-то, незачем. *(Задумавшись.)*

АДВОКАТ. Вот! Искренний ответ на прямой вопрос. Без штампов. Снимите же шоры с глаз, господин прокурор! Ну так вот: жить гражданке Барашковой незачем совершенно! Ну что у нее за жизнь? Мечется туда-сюда. Страдает. Сама не знает, чего хочет. Людей мучает! Я вам больше скажу: убийство гражданином Рогожиным Барашковой является актом подлинного человекоубийства, которого гражданка Барашкова и добивалась!

СУДЬЯ. Господин прокурор, а ведь я вынужден согласиться с доводами господина адвоката.

ПРОКУРОР. То есть как? Вы что творите?!

СУДЬЯ. Но-но-но-но! Не забываетесь! Здесь я... – главный режиссер! Вы что же, хотели Рогожиным прикрыться, отделаться вот этим вашим дешевым, затасканным обвинением? Вам что, за это деньги платят?!

ПРОКУРОР. Я попрошу...

СУДЬЯ. Молчать!.. Стыдитесь! Только о себе и думаете. Честь костюма... то есть мундира спасаете. А публика? А публика ждет более глубокого и продолжительного анализа драмы, разыгравшейся в рамках этого резонансного дела.

Для меня очевидно, что противоправные действия гражданина Рогожина является следствием... так сказать, надводной частью айсберга, но не базисом всей этой истории. Вы меня понимаете, господин прокурор? Ну, взбодритесь! Судите сами. С начала нашего заседания прошло минут двадцать, не больше. Нам что, закрываться? А публика? Вы помните, чтобы заседание нашего суда длилось двадцать минут? Люди пришли, чтобы... так сказать, объехать! А у вас все решено. Вы, любезный друг, скользите по поверхности, бросаетесь избитыми клише! А публика ждет какого-то нового поворота! И вы, господин делопроизводитель, были явно не на высоте. В начале. Тоже приговор вынесли и откушать собрались. Но потом исправились. Так и надо! И вообще, не могу же я постоянно идти на встречу вам одному, господин прокурор. Здесь – суд, а не игра в одни ворота. Давайте, давайте, крутите дальше, накручивайте. Вы меня понимаете?

Я, конечно же, не сторонник методов гражданина Рогожина. Он человек не уравновешенный. Но и госпожа Барашкова та еще... звезда, та еще... фифа и провокатор. И замечание адвоката о человеколюбивом характере убийства, совершенного Рогожиным, представляется мне интересной правочеловеческой новеллой. А то любой убийца у них злодей... Вы, господин прокурор, у людей спросите. Считают ли они Рогожина злодеем после всех выкрутасов Барашковой? Уверяю: их ответ вас удивит!

ПРОКУРОР. Хорошо, ваша честь! Скажите, гражданин Рогожин, вы сами-то считаете себя виновным?

АДВОКАТ. Подзащитный не обязан отвечать на этот вопрос. Господин прокурор...

ПАРФЕН РОГОЖИН. Отчего же не ответить. Можно и ответить. Раз на свет появился, значит уже виновен. Получается, что рождение и есть преступление, а жизнь – наказание. И каждому свое наказание уготовано. Так получается. А Настасья Филипповна... Так ведь руки бы на себя наложила без моего ножа-то... Взяла, да и утопилась бы. Грех это несмысленный. Ежели, конечно, вера имеется... Вот и суди, прокурор. *(говорит серьезно, изменившись)*

АДВОКАТ. Именно так!

ПРОКУРОР. Что ж... В свете сказанного и... вашего, ваша честь, замечания предлагаю поискать новое русло для нашего процесса.

Знаете, хоть я и прокурор, но гражданин Рогожин мне где-то... симпатичен. Человек он... порывистый, но искренний. Формально гражданка Барашкова пострадала от преднамеренных... то есть, скорее, непреднамеренных действий гражданина Рогожина... Но и сама весьма и весьма небезгрешна. И кое-что у нас на нее имеется!

Прокуратура выдвигает обвинение в адрес Барашковой Настасьи Филипповны. Гражданка Барашкова обвиняется в доведении... до убийства гражданина Рогожина Парфена Семеновича... *(Говорит громко.)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Эка он переобулся в воздухе.

АДВОКАТ. Протестую, ваша честь. Официальное обвинение в адрес гражданки Барашковой выглядит...

СУДЬЯ. Здравствуйтесь, господин адвокат! Протест отклоняется! Суд поддерживает предложение прокурора и постановляет привлечь к уголовной ответственности Барашкову Настасью Филипповну. Подсудимая Барашкова – ваш выход!

Действие второе

Настасья Филипповна

На сцене появляется Барашкова – зарезанная, в окровавленной одежде: в районе сердца – красное пятно от ножа Рогожина.

АДВОКАТ. Простите, ваша честь! На основании какой статьи уголовного кодекса мы собираемся судить гражданку Барашкову?

СУДЬЯ. А при чем здесь уголовный кодекс? Что вы на нем зациклились? У вас что, юридическое образование имеется? Как будто нельзя без кодекса человека судить. Как говорится, был бы человек, а статья найдется. А если не найдется, так новая напишется. Шаблонно и даже грубо, но... чертовски верно! Тем более, что вина гражданки Барашковой в ходе нашего разбирательства проявляется все более выпукло. Давайте по сути!

АДВОКАТ. Но уголовный кодекс...

СУДЬЯ. А я говорю – по сути! Господин прокурор.

ПРОКУРОР. Благодарю, ваша честь! А вот и вы, Настасья Филипповна! Невинная жертва. Действительно, красивы ужасно. Наша роковая женщина!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Ну здравствуй, Настасья Филипповна.

Барашкова занимает место Рогожина на скамье подсудимых.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. И тебе здравствуй, Парфен Семенович... И вы здесь, князь.

МЫШКИН. Здесь... Настасья Филипповна! Ах, какая мука, какая мука...

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Оставьте, Лев Николаевич. Да и не было никакой муки. А мука была до того. Вся жизнь – одна сплошная мука.

ПРОКУРОР. Так значит, подсудимая Барашкова, вы не считаете ваше убийство гражданином Рогожиным злодеянием?

АДВОКАТ. Я протестую!

СУДЬЯ. Протестуйте. Можете даже плакат нарисовать. Но протест отклоняется. Ответьте, подсудимая Барашкова.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Конечно, не считаю. Какое же это злодеяние.

ПРОКУРОР. А что это вы, Настасья Филипповна, так тихо и вкрадчиво входили в дом гражданина Рогожина на Гороховой? Рогожин признается Мышкину: «Я еще про себя подумал дорогой, что она не захочет потихоньку входить, – куды! Шепчет, на цыпочках прошла, платье обобрала около себя, чтобы не шумело, в руках несет, мне сама пальцем на лестнице грозит...». Гражданин Рогожин, вы подтверждаете свои слова.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Ну, было.

ПРОКУРОР. Господин делопроизводитель?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Рогожину виднее. *(с обидой)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Вот то верно. Молодец, бумагомаратель.

ПРОКУРОР. А вы, гражданин Мышкин.

МЫШКИН. Да... кажется, говорил такое Парфен Семенович.

ПРОКУРОР. Али ждали чего? *(обращаясь к Барашковой)*

АДВОКАТ. Ваша честь! Гражданин Рогожин, слова которого привел господин прокурор, дает недвусмысленное разъяснение, касающееся мотивов Барашковой. Моя подзащитная боялась Мышкина, своего отставленного жениха. «Это она тебя все пужалась», – говорит Рогожин Мышкину. И далее Рогожин приводит слова Барашковой, свидетельствующие о ее страхе перед Мышкиным: «На машине как сумасшедшая совсем была, все от страха, и сама сюда ко мне пожелала заночевать; я думал сначала на квартиру к учительше везти, – куды! «Там он меня, говорит, чем свет разыщет, а ты меня скроешь, а завтра чем свет в Москву», а потом

в Орел куда-то хотела. И ложилась, все говорила, что в Орел поедem...». Вот так. В Орел. От Мышкина. Это, между прочим, не ваши, господин прокурор, домыслы, а безусловные свидетельские показания, которые могут подтвердить и гражданин Рогожин, и гражданин Мышкин. Эти их реплики присутствуют в материалах дела.

ПРОКУРОР. Нет, подтвердить, конечно, могут. Отчего же не подтвердить. В Орел. От Мышкина... Мышкина, значит, испугалась Настасья Филипповна. Вы сами верите в то, что говорите, господин адвокат? Даже гражданин Рогожин удивился, не ожидал такого поворота от Настасьи Филипповны.

АДВОКАТ. Я – верю. Испугалась... Мышкина... Глаз его испугалась, взгляда... В глаза посмотреть, в глаза. В человеческом плане испугалась. Понимаете, господин прокурор?

ПРОКУРОР. Ах, взгляда! Нет, взгляд, конечно, многое меняет! Все-таки не каждый день даже такая экзальтированная особа как Настасья Филипповна идет под венец и жениха у алтаря бросает...

АДВОКАТ. До алтаря влюбленные не дошли.

ПРОКУРОР. Конечно, не дошли! Я говорю образно, в человеческом плане. В глаза испугалась посмотреть... Нет, ну в глаза оно, конечно, тяжело... В глаза-то... Бросить, значит, сумела, а вот в глаза... Но думаю, дело все-таки не в глазах и даже не в Мышкине. Гражданка Барашкова, а вы что скажете про глаза?

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Да, ждала.

ПРОКУРОР. Вот-вот... Не того ли ждали от Рогожина, на что он сподобился, не к тому ли его подбивали? Не потому ли украдкой в дом входили, чтобы развязать Рогожину руки, чтобы, так сказать, настроить... должным образом... на убийство? И, кстати, что случилось той ночью?

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Что случилось – не твое дело! А на твои слова отвечу: да, того и ждала, что зарежет. Твоя правда. Все опостытелo! Жить совсем не хотелось. Вот Парфен меня и зарезал по доброте душевной. Он ведь меня пожалел... Если бы я точно знала, что зарежет, быть может, и вышла бы за него и верна ему была, и предана как собака.

ПРОКУРОР. Вот и славно! В разговоре с Мышкиным Парфен Рогожин так и говорит о подсудимой: «Да потому-то и идет за меня, что наверно за мной нож ожидает!». Коротко, правдиво, ясно. «Да не было бы меня, она давно бы уж в воду кинулась; верно говорю. Потому и не кидается, что я, может, еще страшнее воды». Никакой иной цели в отношении Парфена Рогожина Настасья Филипповна Барашкова не ПРЕ-СЛЕ-ДО-ВА-ЛА. Она цинично использовала гражданина Рогожина в качестве орудия убийства – использовала намеренно, осознанно (!) – и, как совершенно точно отметил ранее господин адвокат, Барашкова виновна в доведении Рогожина до исступления и убийства. Не хотела наша «богобоязненная» Настасья Филипповна наложить на себя руки. Вот и ходила по лезвию ножа. И она вроде как ни при чем. А Рогожин, получается, один во всем виноват.

Воистину: *cherche la femme*. Ищите женщину! Особенно, когда ее и искать не надо. Барашкова стоит в центре драмы ключевых фигурантов дела. Именно она является причиной разрушения до основания судеб, опустошения и изничтожения душ двух хотя и своеобразных, но... неплохих в целом людей – Рогожина и Мышкина.

Невозможно описать все выверты гражданки Барашковой. Здесь никакого заседания не хватит. Отметим основные вехи. Фонтанирующее сумасбродство. Отказ от замужества с Гаврилой Ардалионовичем Иволгиным, издевательства над гражданином Иволгиным и его родственниками. Чего стоит вызывающее поведение к квартире Иволгиных, подчеркнутое неуважение к матери и сестре Гаврилы Ардалионовича, глумление над психическим нездоровьем Ардалиона Александровича. А бросание ста тысяч рублей в камин! Ведь сколько малоимущих граждан могли с этих ста тысяч прокормиться, наша «богиня» даже и не задумалась!

Нет, есть большое зерно истины в характеристике, которую Настасье Филипповне дал ее несостоявшийся супруг Иволгин в разговоре с Мышкиным: «Это страшно раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чином обойденный чиновник!».

Бесконечные тяготения к князю Мышкину, бесконечные игры с Парфеном Рогожиным. Все эти настойчивые измывательства... Возьмите хоть день рождения подсудимой. Цитирую: «Опоздал, Рогожин! Убирай свою пачку, я за князя замуж выхожу и сама богаче тебя!»; «Рогожин! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь, я вижу. Может, я еще с тобой отправлюсь. Ты куда везти-то хотел?»; «Едем, Рогожин! Готовь свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, а деньги-то все-таки давай. Я за тебя-то еще и не пойду, может быть. Ты думал, как сам жениться хотел, так пачка у тебя и останется? Врешь! Я сама бесстыдница!».

Затягивание в порочный круг своих интриг невинной Аглаи Епанчиной. Очернение чести и достоинства Евгения Павловича Радомского. Расстройство свадьбы девицы Епанчиной с князем Мышкиным. А побег из-под венца с сопутствующим уроном репутации и психическому здоровью Мышкина! Наконец, науськивание Парфена Рогожина на убийство!

О чем здесь вообще говорить?! Да на этой женщине пробу негде ставить!

СУДЬЯ. Ближе к делу.

ПРОКУРОР. Ваша честь! Гражданка Барашкова обвиняется в доведении гражданина Рогожина Парфена Семеновича до убийства.

Сгубили вы Рогожина, гражданка Барашкова. Довели человека до собственного убийства! И не то чтобы в порыве каком-то... единовременном... А довели, может, и порывисто, но системно! Сами утопиться или в петлю лезть не захотели, так решили Рогожиным воспользоваться как садовым ножом, на чувства и жалость его надавить. Налицо желание смерти за чужой счет! Сама... побоялась, так решила Рогожина подрядить. Вся игра с Рогожиным есть одна большая провокация и ожидание ножа!

СУДЬЯ. Ну, и...

ПРОКУРОР. И то наказание, которое понес гражданин Рогожин предлагается примерить подсудимой.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Вот оно как обернулось.

МЫШКИН. Да как же так?

АДВОКАТ. Но разве не является отчаянное желание смерти криком больной души?

ПРОКУРОР. Является, является. Но при чем здесь Рогожин? Человек влюблен, а в нем видят потенциального убийцу. Сочувствие к гражданке Барашковой не должно мешать трезвому анализу ее «благодеяний». Дел она наделала, ох наделала!

АДВОКАТ. Гражданин Мышкин, как человек чуткий и большой знаток безумия, неоднократно свидетельствует о помешательстве Настасьи Филипповны. Можем ли мы судить психически нездорового человека? Налицо болезнь, описанная весьма характерно, можно, сказать, искусно. е

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Успокойтесь. Я – здорова. Нашли кого слушать! Льва Николаевича... этого-то ребенка.

ПРОКУРОР. В самом деле! Вы часом сами-то не больны, господин адвокат? Приводите свидетельство одного нездорового на голову в подтверждение психического нездоровья другого. Куда же нас приведет благоволение таким свидетельствам? Не иначе – в сумасшедший дом! А вот генерал Епанчин Иван Федорович, человек здравого ума, в отличие от Мышкина, не считает Барашкову безумной: «Женщина вздорная, положим, но при этом даже тонкая, не только не безумная». Есть и другие свидетельства здравого смысла Барашковой. В частности, гражданина Рогожина.

АДВОКАТ. То обстоятельства, что большинство фигурантов дела считают Барашкову здоровой не означает, что она действительно здорова. А мнение Барашковой относительно своего психического здоровья и вовсе...

ПРОКУРОР. Больна! Больна, господин адвокат! Но не психическим заболеванием – больна злобой. Вот и князь Мышкин на злополучном фотопортрете Барашковой, который он зачем-то целовал, увидел «необъятную гордость и презрение, почти ненависть».

Ах, гражданка Барашкова, а ведь даже с поправкой на ваш «расстроенный ум и больную душу», характеристику Аглая Ивановна Епанчина дала вам точную. Попала, так сказать, в точку. Задала вам простые убийственные вопросы и вывела на чистую воду.

Прочитируем материалы дела. Глава восьмая, часть четвертая. Аглая Епанчина обращается к подсудимой.

«...мне стало жаль князя Льва Николаевича в первый раз в тот самый день, когда я с ним познакомилась и когда потом узнала обо всем, что произошло на вашем вечере. Мне потому его стало жаль, что он такой простодушный человек и по простоте своей поверил, что может быть счастлив... с женщиной... такого характера. Чего я боялась за него, то и случилось: вы не могли его полюбить, измучили его и кинули. Вы потому его не могли любить, что слишком горды... нет, не горды, я ошиблась, а потому, что вы тщеславны... даже и не это: вы себялюбивы до... сумасшествия, чему доказательством служат и ваши письма ко мне. Вы его, такого простого, не могли полюбить, и даже, может быть, про себя презирали и смеялись над ним, могли полюбить только один свой позор и непрерывную мысль о том, что вы опозорены и что вас оскорбили. Будь у вас меньше позору или не будь его вовсе, вы были бы несчастнее...»

– Я хотела от вас узнать, – твердо и отдельно произнесла она, – по какому праву вы вмешиваетесь в его чувства ко мне? По какому праву вы осмелились ко мне писать письма? По какому праву вы заявляете поминутно, ему и мне, что вы его любите, после того как сами же его кинули и от него с такою обидой и... позором убежали?

...вам просто вообразилось, что вы высокий подвиг делаете всеми этими кривляниями... Ну могли ли вы его любить, если так любите свое тщеславие? Зачем вы просто не уехали отсюда, вместо того чтобы мне смешные письма писать? Зачем вы не выходите теперь за благодарного человека, который вас так любит и сделал вам честь, предложив свою руку? Слишком ясно зачем: выйдете за Рогожина, какая же тогда обида останется? Даже слишком уж много чести получите! Про вас Евгений Павлыч сказал, что вы слишком много поэм прочли и «слишком много образованны для вашего... положения»; что вы книжная женщина и белоручка; прибавьте ваше тщеславие, вот и все ваши причины...».

А какая точная характеристика подсудимой звучит из уст Евгения Павловича Радомского в разговоре с Мышкиным: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения? Разве не подсказал вам самим здравый смысл, чрез три месяца, в чем было дело? Да пусть она теперь невинна, – я настаивать не буду, потому что не хочу, – но разве все ее приключения могут оправдать такую невыносимую, бесовскую гордость ее, такой наглый, такой алчный ее эгоизм?».

И вот, отбив дурака, то есть Мышкина, у дуры...

МЫШКИН. Я попрошу вас, господин прокурор...

ПРОКУРОР. Попросили?

МЫШКИН. Попросил.

ПРОКУРОР. А теперь помолчите! Так вот, отбив дурака, то есть Мышкина, у дуры – Аглаи Епанчиной, которая его зачем-то полюбила, великая Настасья Филипповна разъезжает в экипаже по Павловску с князем Мышкиным – мимо самых окон дачи Епанчиных. Поддерживает «шум и грохот по всем дачам о свадьбе», чтобы уязвить, добить соперницу. Господи, боже мой! Цирк – да и только!

А что, Настасья Филипповна, разве не думали вы, что Рогожин может Мышкина порешить, а? Вы знали, что он собирался его убить. Почти убил, в Петербурге в трактире.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Не знала. Но догадаться не трудно. Оттого и сбежала из-под венца.

ПРОКУРОР. Нет, не оттого. Это ваше хобби: из-под венца бегать. Бегунья вы наша... Цитирую: «Беспокойна, насмешлива, двуязычна, вскидчива...», так, кажется, охарактеризовал вас один из фигурантов дела. Мы и со счета сбились, подсчитывая ваши побег.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. А ты не считай!

ПРОКУРОР. А ты мне тыкай! И потом: как это не считай! Ну уж нет! Мы здесь все ваши выкрутасы посчитаем! Это деньги чужие считать нехорошо – зависть одолевает, а выкрутасы посчитать очень даже интересно. Как же – вершитель судеб людских, центр притяжения, цитирую, «старых и молодых искателей». Каково: «Один формальный жених, из дачников, уже поссорился из-за нее с своею невестой; один старичок генерал почти проклял своего сына». Ах, Настасья Филипповна, как вы важны, как вы значительны, как вам нравится вся эта кутерьма...

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Много ты знаешь!

ПРОКУРОР. Немного. Это вы, гражданка Барашкова, начитаны до невозможности. И жизнь свою в роман решили обернуть. И ладно бы только свою!

«Подготовка» к свадьбе с Мышкиным – выше всяческих похвал: бесконечная игра в карты с бывшим то ли женихом, то ли клоуном по фамилии Рогожин.

Настасья Филипповна, по просьбе так называемого жениха, то есть Мышкина, переехала перед свадьбой из Павловска в Петербург, подальше от любопытных глаз. Поселилась в Измайловском полку «у одной бывшей своей доброй знакомой, вдовы-учительши». Там-то Настасью Филипповну и навещал каждый вечер верный друг Рогожин... Запутались вы, Настасья Филипповна.

СУДЬЯ. Да... Неприглядная получается история. Весьма неприглядная. Господин делопроизводитель, ну а вы что молчите? Неприглядная-то история или как?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Обычная история.

СУДЬЯ. Да ладно, скажете тоже. Господин адвокат.

АДВОКАТ. Ваша честь! Я давеча настаивал на невиновности гражданина Рогожина в убийстве гражданки Барашковой. Я и теперь не изменил своего мнения. Скажу больше: я не отказываюсь от своих слов о том, что поведение моей подзащитной могло спровоцировать и даже спровоцировало Рогожина на это убийство... Но в том-то и дело, что гражданка Барашкова тоже ни в чем не виновата! Проходи наш судебный процесс в Америке, Настасью Филипповну освободили бы в зале суда с почестями и выплатили щедрую компенсацию.

СУДЬЯ. Ну, здесь ей это определенно не грозит. Мы – не в Америке. Поясните свою мысль, господин адвокат.

АДВОКАТ. Причиной... э-э-э... психоделического поведения моей подзащитной является глубочайшая психологическая травма, полученная в результате... сексуальных домогательств со стороны Афанасия Ивановича Тоцкого... благодетеля Настасьи Филипповны и по совместительству убежденного растлителя.

ПРОКУРОР. Подумаешь, травма!

АДВОКАТ. Оставьте ваш сексизм, господин прокурор! Дискриминация Барашковой по половому признаку неуместна в этих...

ПРОКУРОР. Ишь ты, каких господин адвокат слов нахватался! В Америку что-ли на стажировку съездил? Иностраннный агент!

СУДЬЯ. Господин прокурор, давайте спокойно слушаем защитника.

ПРОКУРОР. Нет, ваша честь, вы только послушайте какие песни запел этот соловей! Далеко пойдет!

АДВОКАТ. Когда господин прокурор перечисляет прегрешения моей подзащитной, он забывает записать ей в «грехи», цитирую, «бесчеловечное отвращение», «какое-то ненасыти-

мое чувство презрения, совершенно выскочившего из мерки», к гражданину Тоцкому, а также шантаж Тоцкого за его соvrращение гражданки Барашковой в девичестве.

И действительно, гражданин Тоцкий взял сироту Барашкову на содержание в малолетстве. А неблагодарная Барашкова испытывает отвращение к Тоцкому, давшему ей первые уроки... половой жизни.

ПРОКУРОР. Да не смешите людей!

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Господин адвокат прав! Барашкова фигурирует в деле, цитирую, как «скверная женщина», «бесчестная женщина», «опозоренная женщина», «двусмысленная женщина», «подозрительная женщина», «бесстыдная камелия», как объект презрения многочисленных «судей». От нее воротят нос Нина Александровна и Варвара Ардалионовна Иволгины. Елизавета Прокофьевна Епанчина однажды называет жертву сексуального насилия, цитирую, «этой тварью»! Барашкова насквозь пропитана ощущением вины и позора. Оно въелось в ее душу, оно словно яд отравляет ее!

АДВОКАТ. Вот, что свидетельствует князь Мышкин Аглае Епанчиной о Настасье Филипповне: «Что бы она вам ни говорила, знайте, что она сама, первая, не верит себе и что она всю совесть свою верит, напротив, что она... сама виновна. Когда я пробовал разогнать этот мрак, то она доходила до таких страданий, что мое сердце никогда не заживет, пока я буду помнить об этом ужасном времени».

Вот выдержки из психологического портрета подсудимой Барашковой в исполнении Льва Николаевича Мышкина:

«Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете».

«Она бежала от меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мне, что она – низкая».

«Знаете ли, что в этом беспрерывном сознании позора для нее, может быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то. Иногда я доводил ее до того, что она как бы опять видела кругом себя свет; но тотчас же опять возмущалась и до того доходила, что меня же с горечью обвиняла за то, что я высоко себя над нею ставлю (когда у меня и в мыслях этого не было), и прямо объявила мне наконец на предложение брака, что она ни от кого не требует ни высокомерного сострадания, ни помощи, ни „возвеличения до себя“».

Беда! Беда!

ПРОКУРОР. Ах, господин адвокат! Какое нагромождение психологии. «Беда! Беда!». Да, именно беда. А знаете, от чего беда? От безделья! Работать подсудимая не хочет! Вот и весь сказ. В прачки она собралась. Но ведь в прачки идти ой как не хочется! Верно говорит ей Аглая Епанчина: «Если вы хотели быть честной женщиной, так отчего вы не бросили тогда вашего обольстителя, Тоцкого, просто... без театральных представлений?». И далее, на реплику Настасьи Филипповны, «что вы знаете о моем положении, чтобы сметь судить меня?», последовал весьма информативный ответ: «Знаю то, что вы не пошли работать, а ушли с богачом Рогожиным, чтобы падшего ангела из себя представить. Не удивляюсь, что Тоцкий от падшего ангела застрелиться хотел!». Как известно, ранее Настасья Филипповна высказывала и выказывала неодолимое намерение пойти в прачки. Не успела, не успела... Зато, купаясь в роскоши, подсудимая на своем дне рождения на душу Гаврилы Ардалионовича Иволгина решили в последний раз посмотреть. И как вам его душа?

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Так себе душа. Не душа – душонка. Но деньги все-таки не взял...

ПРОКУРОР. Да. Сто тысяч не принял. Но душа, конечно, не чета вашей. Нет, ну прямо-таки нравственный камертон! Не меньше. Завтра, говорит, на улицу пойду, да в прачки пойду. Цитирую: «На улицу пойду, Катя, ты слышала, там мне и место, а не то в прачки! Довольно

с Афанасием Ивановичем!». Конечно, довольно! Пять лет в Петербурге как сыр в масле ката-лась. Долго, долго... И отчего же завтра? Можно прямо сегодня. Ах, да, сегодня не грех и погу-лять на деньги Рогожина! Ну и завтра... Все лучше, чем работать.

Нет, верно мыслит фигурант дела Фердыщенко: «...да и мало ли что снаружи блестит и добродетелью хочет казаться, потому что своя карета есть. Мало ли кто свою карету имеет... И какими способами...». Избавь человека от денег, подвigni его о хлебе насущном думать, и вмиг весь лоск с человека осыплется и превратится человек в Ганю Иволгина. А иной и деньги из камина вынет... зубами.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Так ты меня в продажности обвиняешь!

ПРОКУРОР. Боже упаси! И в мыслях не было! Бог свидетель! Что вы! Продажность – дело нормальное, неподсудное. Сдите много, Настасья Филипповна. Сдите. Да и как ни крути, Рогожина до убийства вы все-таки довели. у у

АДВОКАТ. Заезженная пластинка! Сколько можно, ваша честь! Защита настаивает на снятии обвинения с гражданки Барашковой и ее освобождении в зале суда. Рогожин – не виноват: хорошо! Так давайте дальше распутывать клубок причинно-следственных свя-зей. Я считаю, что мы обязаны привлечь к уголовной ответственности за соvrащение несо-вершеннолетней Барашковой, а, следовательно, за доведение Барашковой до убийства Рого-жина, за убийство Рогожиным Барашковой, за доведение Рогожиным и Барашковой до безумия Мышкина, и за все плохое, что случилось в рамках этого дела гражданина Тоцкого. Это же очевидно!

СУДЬЯ. Сколько времени прошло с начала нашего заседания? Да... Мало... Мало... Между тем, зрители... собрались... деньги... опять-таки... Ну, смотрите, господин адвокат, вам же Тоцкого и защищать. *(Думает, смотрит на часы.)*

АДВОКАТ. Выкручусь как-нибудь.

СУДЬЯ. Вот и хорошо.

ПРОКУРОР. А как же Барашкова?

СУДЬЯ. А что вам Барашкова? Перемололи ей косточки, и будет с нее. Она, если в чем и виновата... вот, кровью искупила. Омыла, так сказать, свои прегрешения.

МЫШКИН. Правильно!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Верно говоришь, судья. Кровь – дело серьезное.

ПРОКУРОР. Ну, хорошо. Как скажете. Мы, знаете, давно присматриваемся к гражда-нину Тоцкому, к этому сомнительному, порочному человеку.

АДВОКАТ. Ну, это всенепременно!

ПРОКУРОР. И зря вы ерничаете, господин адвокат. Как известно, гражданин Тоцкий, напортачив, укатил за рубежи нашей родины. Нашел себе очередную... пaссию. Так вот, мы заблаговременно приняли меры к его разысканию и экстрадиции. И ведь нашли, и добились выдачи! Ввести гражданина Тоцкого Афанасия Ивановича!

Действие третье Тоцкий. Иволгин

Появляется довольный жизнью престарелый фронт – Афанасий Иванович Тоцкий, занимающий место Барашковой на скамье подсудимых.

ТОЦКИЙ. Настасья Филипповна, голубушка! Все знаю, душа моя. Кошмар, кошмар! Верьте: сердце кровью обливается! Ах, какой злодей! Подлый человек! Изверг! *(Бросает в адрес Рогожина.)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Паскудник!

ТОЦКИЙ. Я, быть может, и паскудник. Вот только я эту красоту... э-э-э... по назначению. Вы же взяли и... зарезали, как свинью! Мясник!

СУДЬЯ. Гражданин Тоцкий, о прегрешениях гражданина Рогожина мы уже поговорили. Вы знаете, с какой целью вас экстрадировали в Россию?

ТОЦКИЙ. Знаю, ваша честь! Слстолюбец! Слстолюбец «закоренелый и в себе не властен»! Сладострастник НЕИСПРАВИМЫЙ! И признавался в том открыто, не таясь. И Настасье Филипповне, и генералу Епанчину Ивану Федоровичу об этом свидетельствовал. А что меня экстрадировали – так это замечательно! Признаться, мне моя нынешняя супруга – французенка – надоела хуже пареной репы. Ох уж эти французенки высшего общества, эти маркизы, эти легитимистки. Париж, Бретань... Ах, Настасья Филипповна! Какая демоническая красота! Говорю, как на духу. Нет сил! Понимаете, ваша честь... Сердцу, ему еще можно приказать, а вот чреслам... Чресла не обманешь! Да-с! А я человек уже не молодой: не первой, так сказать, свежести. И потому нахожусь в поиске... кого-нибудь посвежее. *(Надевает монокль и искалечно всматривается в зал в поиске «кого-нибудь посвежее».)*

ПРОКУРОР. Это возмутительно, ваша честь! Неужели у господина адвоката найдутся слова для защиты этого, видите ли, слстолюбца, а, называя вещи своими именами, педофила, «развратника и злодея», искалечившего судьбу Барашковой! А в поиске мы вам поможем, гражданин Тоцкий. Уголовный кодекс дает нам широкий простор для поисков.

За гражданином Тоцким тянется шлейф противоправных, уголовно наказуемых деяний. Возьмите все статьи главы 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» и вы получите портрет подсудимого. В особенности по нему плачет наиболее безнравственная 134-я статья «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

На отношения гражданина Тоцкого с несовершеннолетней Барашковой падает тень статьи 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего». «Под сексуальными услугами в настоящей статье понимаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу». Как известно, несовершеннолетняя Барашкова находилась на содержании гражданина Тоцкого. Растлевал и одаривал. Пришел, увидел, развратил!

ТОЦКИЙ. Как элегантно: «Пришел, увидел, развратил»!

ПРОКУРОР. На самонадеянное, вызывающее, похотливое фиглярство подсудимого мы ответим надрывными словами гражданки Барашковой, этой обесчещенной... девушки... то есть женщины. Вслушайтесь, что она говорила на своем двадцатипятилетии князю Мышкину в присутствии многочисленных гостей, то есть фигурантов дела: «Разве я сама о тебе не мечтала? Это ты прав, давно мечтала, еще в деревне у него, пять лет прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь, – и вот всё такого, как ты, воображала, доброго, честного, хорошего и такого же глупенького, что вдруг придет да и скажет: „Вы не вино-

ваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!». Да так, бывало, размечтаешься, что с ума сойдёшь... А тут приедет вот этот: месяца по два гостил в году, опозорит, разобидит, распалит, развратит, уедет, – так тысячу раз в пруд хотела кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь...».

Также прокуратура намерена предъявить гражданину Тоцкому обвинение в причинении смерти по неосторожности Петру Ворховскому в связи с букетом красных камелий. Напомню, что в ходе пети-жэ (*petits jeux*) – салонной игры – на дне рождения гражданки Барашковой, подсудимый признался в том, что увел из-под носа Ворховского искомый букет, предназначенный для чьей-то жены, некоей Анфисы Алексеевны, которую Ворховский... э-э-э... вожделем *фрanci*.

Убитый горем воздыхатель слег и долго болел, затем отпросился на Кавказ, а кончил, цитирую, что «в Крыму убит». «Признаюсь, меня даже много лет потом угрызения совести мучили: для чего, зачем я так поразил его? И добро бы я сам был влюблен тогда? А то ведь простая шалость, из-за простого волокитства, не более. И не перебей я у него этот букет, кто знает, жил бы человек до сих пор, был бы счастлив, имел бы успехи, и в голову б не пришло ему под турку идти», – наигранно изъясняется гражданин Тоцкий. Это, между прочим, чистосердечное признание!

ТОЦКИЙ. Это – банальная чистосердечная выдумка!

ПРОКУРОР. Какая же это выдумка?

ТОЦКИЙ. А вы докажите, что не выдумка. Что же мне было рассказывать: как я с Настасьей Филипповной... Болван!

ПРОКУРОР. Но-но! Господин делопроизводитель?

ДЕЛОРОИЗВОДИТЕЛЬ. Это – выдумка.

ПРОКУРОР. Ну, хорошо. Выдумка – так выдумка. Мы даже не станем искать господина Ворховского. Петра. Или его брата – Степана, кажется. А что вы скажете о педофилии. Ее вы тоже... выдумали?

ТОЦКИЙ. Признаюсь: педофилия имело место. Но педофилия умеренная, житейская! Я собственно и не скрывал... Уж больно хороша Настасья Филипповна, уж больно хотелось сорвать прелестный цветок!

АДВОКАТ. Ваша честь! Прошу обратить внимание, что гражданин Тоцкий не скрывает своего увлечения, своей гипертрофированной подверженности... э-э-э... чувственным... позывам. Но если мы не заиклены на буквальном толковании статей уголовного кодекса, а работаем, так сказать, по сути, то виноват в том не мой подзащитный. Ведь прав Афанасий Иванович, когда говорит о Настасье Филипповне фигуранту дела Птицыну: «...она есть самое лучшее мое оправдание на все ее обвинения. Ну кто не пленился бы иногда этою женщиной до забвения рассудка и... всего? Смотрите, этот мужик, Рогожин, сто тысяч ей приволок!».

Такой рассудительный человек как генерал Епанчин тайком покупает и дарит Барашковой роскошное жемчужное ожерелье!

Во всем виновата красота Барашковой. Давеча господин прокурор формулировал против Барашковой обвинение. Будь я прокурором, обвинял Барашкову единственное за ее демоническую красоту, перед чарами которой пал мой подзащитный.

ТОЦКИЙ. Пал! Пал! Сраженный!

АДВОКАТ. Не хочу никого обидеть, но, думаю... э-э-э... учитывая, так сказать, всю совокупность обстоятельств, мало кто на месте моего подзащитного на Настасью Филипповну... э-э-э... не позарился.

Нет, ну все, все по Барашковой с ума сходят. Все! Без исключения. Вот непроизвольное свидетельство князя Мышкина: «Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!». А вот свидетельство

Аделаиды Епанчиной: «Такая красота – сила, – горячо сказала Аделаида, – с этакою красотой можно мир перевернуть!».

В материалах дела имеется странная мысль о том, что «красота спасет мир». Кажется, гражданин Мышкин ее проговаривает. А раз Мышкин ее высказал, то будет в точности наоборот. Так вот над ним за эту мысль насмехается молодой человек Ипполит Терентьев. И правильно делает! Так вот чёрта с два красота спасет мир. Она его форменным образом угробит! Красота – страшная сила!

А мой подзащитный... он просто первым на линии огня оказался. Увидел чудо и... пропал.

ТОЦКИЙ. Пропал! Пропал! Напрочь!

АДВОКАТ. Гражданин Тоцкий – жертва исключительных обстоятельств. Помните, в песне: «Потому что нельзя, потому что нельзя, потому что нельзя быть на свете красивой такой...».²

Адвокату подпевают Тоцкий (осознанно) и прокурор (непроизвольно). Судья в недоумении смотрит на прокурора. Прокурор, смутившись, приходит в себя и демонстративно откашливается.

ПРОКУРОР. Машинально... Да... Чушь! В ходе так называемой исповеди гражданина Тоцкого на дне рождения Настасьи Филипповны...

Делопроизводителю становится плохо.

СУДЬЯ. Господин делопроизводитель, вам плохо? Позовите врача! Врача!

МЫШКИН. Может, господину делопроизводителю стоит поехать в больницу. Он так переживает! Наверное, господин делопроизводитель – человек с большим и добрым сердцем.

СУДЬЯ. Наверное, с большим и... добрым. У вас, гражданин Мышкин, всякий человек наделен большим и добрым сердцем. А я вот в первый раз его вижу. Врача? *(Обращается к делопроизводителю.)*

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Не стоит... Обычное дело. Прихватило немного... Сейчас... сейчас отпустит. Вот... все в порядке...

СУДЬЯ. Ну, хорошо... Вы нас пугаете, господин делопроизводитель. Впечатлительны, однако... Господин прокурор, продолжайте.

ПРОКУРОР. Благодарю вас! Вспомним так называемую признательную речь Тоцкого в ходе салонной игры на юбилее гражданки Барашковой. Означенная гражданка смотрит на «исповедника» с презрением и негодованием, подчеркивающим нарочитую показную лживость его истории с камелиями... Так вот, паскудство подсудимого Тоцкого, растление им Барашковой и является первоисточником всех жизненных неурядиц, всех преступных посягательств и всех преступлений, случившихся в рамках этого дела, как и утверждал давеча господин адвокат.

Более того, это паскудство наглое, верящее в собственную безнаказанность. Гражданин Тоцкий неоднократно признается в своем злодеянии и не раскаивается. В разговоре с Барашковой в присутствии генерала Епанчина Тоцкий, цитирую, «откровенно сказал, что не может раскаяться в первоначальном поступке с нею».

И еще. Я вижу, что некоторые наши зрители, пришедшие на заседание относятся к судебному разбирательству... легкомысленно. Как к какой-то забаве... Не понимаю их настроя. Очнитесь же! *(Обращается к зрителям.)*

АДВОКАТ. Тоцкий взял Барашкову на содержание! По доброте душевной, цитирую, «по великодушию своему».

ПРОКУРОР. С прицелом на перспективу.

² Песня «Потому что нельзя быть красивой такой». Музыка Игоря Матвиенко, слова Михаила Андреева.

АДВОКАТ. Окститесь! По доброте и великодушию! Девочке в момент смерти матери и отца было всего семь лет. Какие прицелы? И никаких... желаний подсудимый не проявлял. Прицел наметился спустя... пять лет, когда Тоцкий увидел в ребенке признаки будущей женской красоты. И только прицел, без выстрела! В материалах дела на этот счет имеется исчерпывающее описание. И кто же виноват, что эта доброта, душевная щедрость обернулась... влечением. Далее. К моменту начала... э-э-э... связи... гражданка Барашкова уже достигла... возраста зрелости по меркам... того времени. Шестнадцать плюс!

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Неверная информация, ваша честь!

СУДЬЯ. Да, господин делопроизводитель.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Неточность, ваша честь! Касательно возраста вступления Барашковой в связь с Тоцким. Есть в деле слова, сказанные Настасьей Филипповной на своем двадцатипятилетии: «Девять лет и три месяца!». Следовательно, шестнадцать минус, а точнее – пятнадцать лет и девять месяцев. Тогда как гражданину Тоцкому в то время исполнилось... сорок пять. *(Снова хватается за сердце.)*

ПРОКУРОР. Негодяй!

СУДЬЯ. Да что с вами такое, господин делопроизводитель?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Все в порядке. Все хорошо. *(принимает лекарство)*

АДВОКАТ. Это – точные сведения?

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Точные.

ТОЦКИЙ. Точно так!

АДВОКАТ. То есть пятнадцать лет и девять месяцев... Не меньше?.. Афанасий Иванович?

ТОЦКИЙ. Нет, утерпел!

АДВОКАТ. Так значит, не меньше. Что ж, девушки в России – в то время – и в более раннем возрасте замуж выходили и... ничего. Сейчас же, так и вообще... уже... так сказать... многие... некоторые... по крайней мере... Хм... Господин прокурор как-то... драматизирует ситуацию!

Гражданка Барашкова... та еще особа! Жила на всем готовом. Каталась, как сыр в масле. Многие проблемы и претензии моей бывшей подзащитной проистекают от безделья. От безделья, как и утверждал давеча господин прокурор! Вот строки из дела: «В желаниях своих Настасья Филипповна всегда была неуправляема и беспощадна, если только решалась высказывать их, хотя бы это были самые капризные и даже для нее самой бесполезные желания». А гражданин Тоцкий откровенно избаловал Барашкову. И в этом его безусловная вина. В попустительстве, в разращении гражданки Барашковой красивой жизнью.

ПРОКУРОР. В деле есть недвусмысленное объяснение «благодеяниям» подсудимого в отношении гражданки Барашковой в петербургский период. Главный мотив – страх перед Барашковой, обещавшей какой-нибудь выходкой опорочить Тоцкого в глазах света. О, это в высшей степени занимательная история!

За пять лет до описываемых событий пятидесятилетний ловелас решил сочетаться законным браком. И здесь ему, как снег на голову, падает двадцатилетняя Барашкова, узнавшая, что Тоцкий «женится на красавице, на богатой, на знатной, – одним словом, делает солидную и блестящую партию». Барашкова шантажирует Тоцкого скандалом в случае женитьбы.

«Она вдруг выказала необыкновенную решимость и обнаружила самый неожиданный характер. Долго не думая, она бросила свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому, одна-одинехонька. Тот изумился, начал было говорить; но вдруг оказалось, почти с первого слова, что надобно совершенно изменить слог, диапазон голоса, прежние темы приятных и изящных разговоров, употреблявшиеся доселе с таким успехом, логику, – всё, всё, всё! Пред ним сидела совершенно другая женщина, нисколько не похожая на ту, которую он знал доселе <...>. Эта новая женщина, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала

и понимала, – так много, что надо было глубоко удивляться, откуда могла она приобрести такие сведения, выработать в себе такие точные понятия. (Неужели из своей девичьей библиотеки?). Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имела положительное знание если не света, то о том, по крайней мере, как некоторые дела текут на свете. Во-вторых, это был совершенно не тот характер как прежде, то есть не что-то робкое, пансионски неопределенное, иногда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недоверчивое, плачущее и беспокойное.

Нет: тут хохотало пред ним и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления. Эта новая женщина объявляла, что ей в полном смысле всё равно будет, если он сейчас же и на ком угодно женится, но что она приехала не позволить ему этот брак, и не позволить по злости, единственно потому, что ей так хочется, и что следственно так и быть должно...».

А что же Тоцкий? А Тоцкому пришлось отступить. «Дело в том, что Афанасию Ивановичу в то время было уже около пятидесяти лет, и человек он был в высшей степени солидный и установившийся. Постановка его в свете и в обществе давным-давно совершилась на самых прочных основаниях. Себя, свой покой и комфорт он любил и ценил более всего на свете, как и следовало в высшей степени порядочному человеку. Ни малейшего нарушения, ни малейшего колебания не могло быть допущено в том, что всю жизнь устанавливалось и приняло такую прекрасную форму. <...> Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен. Если б он знал, например, что его убьют под венцом или произойдет что-нибудь в этом роде, чрезвычайно неприличное, смешное и непринятое в обществе, то он конечно бы испугался, но при этом не столько того, что его убьют и ранят до крови или плюнут всепублично в лицо и пр., и пр., а того, что это произойдет с ним в такой неестественной и неприятной форме. А ведь Настасья Филипповна именно это и пророчила, хотя еще и молчала об этом; он знал, что она в высшей степени его понимала и изучила, а следственно, знала, чем в него и ударить».

Так вот, страх – главный мотив «благодетель» подсудимого. Но! Имеется и другой мотив, куда более интригующий! Вот послушайте, цитирую: «...теперь Афанасий Иванович, прельщенный новизной, подумал даже, что он мог бы вновь эксплуатировать эту женщину. Он решил поселить Настасью Филипповну в Петербурге и окружить роскошным комфортом. Если не то, так другое: Настасьей Филипповной можно было щегольнуть и даже потщеславиться в известном кружке. Афанасий же Иванович так дорожил своею славой по этой части».

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА. Паскудник! *(в адрес Тоцкого)*

АДВОКАТ. И пусть! Никто не отрицает заинтересованности моего подзащитного в сохранении столько ценимого им покоя и комфорта, положения в свете, а также некоторые... порочные мотивы и намерения в отношении Настасьи Филипповны. Было бы много хуже, если Афанасий Иванович проявил к Барашковой... равнодушие, охладил к ней... как к женщине.

ТОЦКИЙ. Да!

АДВОКАТ. Я готов привести строки из материалов дела, на первый взгляд, порочащие моего подзащитного: «В эти пять лет ее петербургской жизни было одно время, в начале, когда Афанасий Иванович особенно не жалел для нее денег; он еще рассчитывал тогда на ее любовь и думал соблазнить ее, главное, комфортом и роскошью, зная, как легко прививаются привычки роскоши и как трудно потом отставать от них, когда роскошь мало-помалу обращается в необходимость».

И что с того? Голодом он ее морил? Не люблю проводить параллели с сегодняшним днем, но, в рамках современной жизненной парадигмы, Афанасий Иванович Тоцкий – образец идеального спонсора.

А ведь с богатством и связями моего подзащитного, как сказано в материалах дела, цитирую, «можно было тотчас же сделать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодеяние, чтоб избавиться от неприятности»!

ПРОКУРОР. Это какое же такое «маленькое и совершенно невинное злодеяние»?

На мобильный телефон адвоката поступает сообщение. Адвокат читает и демонстрирует удовлетворение прочитанным.

АДВОКАТ. Оставьте, господин прокурор! Какое-нибудь. О характере злодеяния в материалах дела ничего не говорится. Ни малейшего намека и даже подразумевания.

Зато у меня на руках имеется заключение психиатрической клиники, где говорится, что гражданин Тоцкий Афанасий Иванович нуждается в лечении от сексуальной зависимости. *(демонстрирует экран мобильного телефона)*

ТОЦКИЙ. Нуждаюсь. И горжусь этим!

АДВОКАТ. О, господи...

СУДЬЯ. Не паясничайте, подсудимый Тоцкий!

АДВОКАТ. Он не паясничает, ваша честь. Но дело, как говорится, не в Тоцком. Не в нем проблема. Да, защищая гражданина Тоцкого, я признаю, что поведение этого человека является в высшей степени... неподобающим. Афанасий Иванович изрядно напорточил. Но ведь жизнь прожить – не поле перейти. И не такие проблемы рассасываются. Мы постоянно говорим о пороках Тоцкого. Но давайте же, наконец, увидим в нем что-то хорошее!

ТОЦКИЙ. Да!

АДВОКАТ. Подобрал, обогрел, обеспечил и воспитал сироту... Да, воспитал! И знаете, другие бы сказали – пригрел на груди змею. Далее. Обеспечил роскошную жизнь в Петербурге. Сговорился с генералом Епанчиным. Подобрал Настасье Филипповне видного жениха... Да, имел в этом свой интерес. Да, жених – Гаврила Ардалионович Иволгин – тяготел к Аглае Епанчиной и был... не вполне свободен в своем решении. Бедность, бедность. Ну так я о том и говорю. Жизнь есть жизнь. Мало ли, кто к кому тяготеет. Афанасий Иванович подготовил немалое приданое.

ТОЦКИЙ. Семьдесят пять тысяч положил. И сумма эта была назначена Настасье Филипповне в моем завещании, «тут вовсе не вознаграждение какое-нибудь...».

АДВОКАТ. Совершенно верно. Семьдесят пять тысяч рублей на дороге не валяются. А Гаврила Ардалионович – мужчина представительный. Как следует из материалов дела: «Это был очень красивый молодой человек, тоже лет двадцати восьми, стройный блондин, средне-высокого роста, с маленькою, наполеоновскою бородкой, с умным и очень красивым лицом». Господи, вот тебе муж, вот тебе деньги!

ПРОКУРОР. Хорошего мужа подобрал Тоцкий Настасье Филипповне. А чего стоит сцена умасливания Барашковой подсудимым и его сообщником генералом Епанчиным. Вранье на вранье. Тоцкий уверяет Барашкову, что будущий супруг любит ее «всею силой страсти и, конечно, отдал бы половину жизни за одну надежду приобрести ее симпатию». Так ведь вранье! Тоцкий говорит, что признания эти Гаврила Ардалионович, цитирую, «сделал ему, Афанасию Ивановичу, сам, и давно уже, по-дружески и от чистого молодого сердца». Так ведь снова вранье!

АДВОКАТ. Пусть вранье! Тоцкий все-таки не Мышкин, чтобы всегда говорить правду. И что с того? Если бы Настасья Филипповна проявила элементарное благоразумие и вышла замуж за Иволгина, то не было бы никаких... так сказать... эксцессов.

Ведь Афанасий Иванович прав, когда говорит Барашковой, что, цитирую, «если Настасья Филипповна захотела бы допустить в нем, в Тоцком, кроме эгоизма и желания устроить свою собственную участь, хотя несколько желания добра и ей, то поняла бы, что ему давно странно и даже тяжело смотреть на ее одиночество: что тут один только неопределенный мрак, полное неверие в обновление жизни, которая так прекрасно могла бы воскреснуть в любви

и в семействе и принять таким образом новую цель; что тут гибель способностей, может быть блестящих, добровольное любование своею тоской, одним словом, даже некоторый романтизм, не достойный ни здравого ума, ни благородного сердца Настасьи Филипповны».

СУДЬЯ. Господин прокурор, вам не кажется, что господин адвокат весьма убедителен?

ПРОКУРОР. Обвинение готово согласиться с разумными доводами защиты... Но... Но кто же в таком случае виноват в драме фигурантов дела, в лишении жизни Барашковой? Не будем же мы снова судить Барашкову – теперь не за ее... своеобразный характер и взбалмошность, а за ее, так сказать, избыточную красоту!

АДВОКАТ. Не знаю, кто виноват во всем этом безумном нагромождении страстей, но только не гражданин Тоцкий. Нет... Да, любит женщин... и... девушек. Похотлив. Но при этом не злобив, не жаден...

ТОЦКИЙ. Именно так!

ПРОКУРОР. Вот мы здесь говорим о капризах Барашковой в связи с замужеством, о «трудах» гражданина Тоцкого и генерала Епанчина по устройению брака Барашковой с Иволгиным. А что же сам Гаврила Ардалионович так сплеховал? Отвадил от себя Настасью Филипповну.

Появляется Гаврила Ардалионович Иволгин, занимающий место Тоцкого на скамье подсудимых.

ИВОЛГИН. Что вы от меня хотите? Что вы всё в душу лезете?! Все от меня чего-то хотят! Всем я чего-то должен! Сколько можно!

СУДЬЯ. Вы, гражданин Иволгин, успокойтесь. Хотим внимательнее на вас посмотреть. Дело уж больно серьезное. Не вы ли сыграли ключевую роль в сложении обстоятельств, которые привели к смерти гражданки Барашковой, к жизненной драме граждан Рогожина и Мышкина.

ИВОЛГИН. Вы что, шутить изволите?! Я-то здесь при чем? Настасья Филипповна сама отказалась от замужества... по наущению... кое-кого... Вот его! Нашла себя советника, идиота несчастного! *(Смеется искренне, с едва скрываемой злобой.) (Иволгин с презрением указывает на Мышкина.)*

АДВОКАТ. Так и было. Барашкова обратилась за вердиктом к Мышкину, и добавила: «Как скажете, так и сделаю». Гражданин Мышкин прошептал, цитирую: «Н-нет... не выходите!». А Настасья Филипповна и рада радешенька, цитирую: «Так тому и быть! Гаврила Ардалионович! – властно и как бы торжественно обратилась она к нему, – вы слышали, как решил князь? Ну, так в том и мой ответ; и пусть это дело кончено раз навсегда!».

ПРОКУРОР. Сама-то она сама. Конечно, сама, и даже по наущению... князя. Ну а вы, Гаврила Ардалионович, будто и ни при чем? Как же она могла замуж за вас выйти, если вы таким низким человеком будете?

ИВОЛГИН. Отставьте ваши оскорбления при себе!

АДВОКАТ. Да, господин прокурор... в самом деле...

ПРОКУРОР. Я-то что? Низким человеком Гаврилу Ардалионовича назвала его родная сестра Варвара Ардалионовна. «Низкий ты человек», говорит... вот ему *(Указывает на покрасневшего Гаврилу Ардалионовича.)*

ИВОЛГИН. Тьфу!

ПРОКУРОР. Вот-вот! Так и было! Именно «тьфу»! Сестра потом взяла да в лицо братцу родимому и плюнула. Не я же ему в лицо плюнул! В материалах дела о подсудимом много чего сказано: подчас... э-э-э... обескураживающего. Должен признать, что из всех фигурантов дела Гаврила Ардалионович – один из самых отгаликивающих. При том, что семья у него хорошая. Отец – своеобразный, но не злобливый Пьющий, фантазирующий, но в целом представительный, по-своему веселый, бодрый и безобидный. *(Смеется.) (Иволгин усмехается.)* ○

ИВОЛГИН. Да, веселья в нем и правда много. Всю семью на осмеяние выставил. Позорил и жил на дне бутылки! История с четырьмястами рублями чего стоит... Детей наплодил от какой-то замызганной капитанши... Терентьевой. Боже мой!

ПРОКУРОР. О покойном, гражданин Иволгин, тем более о родителе своем, следует говорить либо хорошо, либо...

ИВОЛГИН. Так он еще не воскрес, как Настасья Филипповна? Ну хоть так! Рожать же меня на этот свет я родителя своего никогда не просил.

ПРОКУРОР. Мать и сестра ваши – женщины достойные, глубоко порядочные. Ну... по крайней мере, мать.

ИВОЛГИН. Ну, по крайней мере мать. С этим можно согласиться.

ПРОКУРОР. Младший брат, Коля, – добрый, отзывчивый юноша.

ИВОЛГИН. Подождите. Всему свое время.

ПРОКУРОР. И в кого вы такой уродились?.. Что, господин делопроизводитель, нехороший человек Гаврила Ардалионович?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Не очень хороший. Впрочем, по ходу дела Гаврила Ардалионович не то чтобы меняется, но раскрывается с другой, человеческой стороны. За деньгами он все-таки в камин не полез. И за это ему можно многое простить.

ПРОКУРОР. Что ж, бог простит... Правда, в сцене со ста тысячами упал Гаврила Ардалионович от нервного потрясения. Может, лучше было взять деньги?

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. Нет, их и без него из огня взяли и ему преподнесли. Не надо было ему эти деньги брать.

ИВОЛГИН. Еще один арбитр выискался! Рецензент... человеческих жизней. *(в адрес делопроизводителя)*

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ. И князь Мышкин добрые слова высказал о Гавриле Ардалионовиче после откровенного разговора с ним.

ИВОЛГИН. О, господи!

АДВОКАТ. А вот если бы я и судил гражданина Иволгина, так за то, что он деньги из камина не взял... Назло Настасье Филипповне, на зависть многим фигурантам дела: спокойно, без волнений и угрызений совести. Взял бы с наигранной вежливостью, поблагодарил бы... с наигранной учтивостью, усмехнулся, ухмыльнулся и откланялся с жалованием за сорок с лишним лет безупречной службы. А он упал без чувств, да еще эти сто тысяч вернул. Дурак! Сто тысяч без взбалмошной, сумасшедшей бабы. Только б капельку пальчики обжег, да душу свою опалил... самую малость!

А мой подзащитный, цитирую, «с силой оттолкнул Фердыщенко, повернулся и пошел к дверям; но, не сделав и двух шагов, зашатался и грохнулся об пол». А потом, вернувшись домой, цитирую, «вошел в его (князя Мышкина –) комнату и положил перед ним на стол обгорелую пачку денег, подаренных ему Настасьей Филипповной, когда он лежал в обмороке. Он настойчиво просил князя при первой возможности возратить этот подарок обратно Настасье Филипповне». *И. Т.*

Брал бы пример с Лебедева и Фердыщенко. Вот Лебедев обращается к Настасье Филипповне: «Матушка! Милостивая! Повели мне в камин: весь влезу, всю голову свою седую в огонь вложу!...». «Я зубами выхвачу за одну только тысячу! – предложил было Фердыщенко».

ПРОКУРОР. Оставим лирику господину адвокату. Амбиция не позволила подсудимому деньги из камина взять и потом дареные сто тысяч не возвращать! В деле имеется исчерпывающая характеристика Гаврилы Ардалионовича. Весьма привлекательный внешний облик гражданина Иволгина контрастирует с его внутренним миром, испещренным червоточинами и язвами.

Сомнения в чистоте внутреннего мира Гани Иволгина начинаются при первом же с ним знакомстве: «Только улыбка его, при всей ее любезности, была что-то уж слишком тонка; зубы

выставлялись при этом что-то уж слишком жемчужно-ровно; взгляд, несмотря на всю веселость и видимое простодушие его, был что-то уж слишком пристален и испытующ». «„Он, должно быть, когда один, совсем не так смотрит и, может быть, никогда не смеется“, – почувствовалось как-то князю». Речь идет о Мышкине.

ИВОЛГИН. Опять этот никчемный князь! Почувствовалось ему, видите ли!

ПРОКУРОР. Оставьте в покое гражданина Мышкина! Князь как князь. Какой есть. Кстати говоря, многие фигуранты дела и наблюдатели считают Мышкина в высшей степени порядочным человеком. В отличие от вас.

Но это так, к слову... Так вот, имеется ссылка на мнение, как сказано в материалах дела, «знание» Настасьи Филипповны, что, цитирую: «Ганя женится только на деньгах, что у Гани душа черная, алчная, нетерпеливая, завистливая и необъятно, не пропорционально ни с чем самолюбивая; что Ганя хотя и действительно страстно добивался победы над Настасьей Филипповной прежде, но когда оба друга решились эксплуатировать эту страсть, начинавшуюся с обеих сторон, в свою пользу и купить Ганю продажей ему Настасьи Филипповны в законные жены, то он возненавидел ее, как свой кошмар. В его душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он хотя и дал наконец, после мучительных колебаний, согласие жениться на „скверной женщине“, но сам поклялся в душе горько отметить ей за это и „доехать“ ее потом, как он будто бы сам выразился».

И если в начале все эти мысли и настроения Гаврилы Ардалионовича подаются как некий слух, который будто бы дошел до Настасьи Филипповны, как слух, который не опровергается, но и не подтверждается безусловно, то дальше начинается голая констатация.

Вот прямая ссылка к мыслям подсудимого, цитирую: «С некоторого времени он стал раздражаться всякою мелочью безмерно и непропорционально, и если еще соглашался на время уступать и терпеть, то потому только, что уж им решено было всё это изменить и переделать в самом непродолжительном времени».

ИВОЛГИН. Простите, господин прокурор, а что, все эти так называемые свидетельства непонятного происхождения мы обязаны принимать за истину? Кто вообще есть этот всезнающий автор всех этих материалов? Человек сам порой не понимает, что у него в душе делается, а тут все расписано до последней запятой. Бред какой-то! Вы что, с небес, от господ бога все эти записки получили?

АДВОКАТ. Да, господин прокурор. Наше гипертрофированное увлечение материалами дела в присутствии, так сказать, живого человека...

ПРОКУРОР. «... всё в этой квартире теснилось и жалось; Ганя только скрипел про себя зубами; он хотя был и желал быть почтительным к матери, но с первого шагу у них можно было заметить, что это большой деспот в семействе». Что, гражданин Иволгин, не было этого? *(перебивая адвоката, продолжает цитировать материалы дела)*

А вот еще. «Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до ипохондрии; искавший во все эти два месяца хоть какой-нибудь точки, на которую мог бы опереться приличнее и выставить себя благороднее; чувствовавший, что еще новичок на избранной дороге и, пожалуй, не выдержит; с отчаяния решившийся наконец у себя дома, где был деспотом, на полную наглость, но не смевший решиться на это перед Настасьей Филипповной, сбивавшей его до последней минуты с толку и безжалостно державшей над ним верх; „нетерпеливый нищий“, по выражению самой Настасьи Филипповны, о чем ему уже было донесено; поклявшийся всеми клятвами больно наверстать ей всё это впоследствии и в то же время ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противоположности...».

Не мужское поведение в отношении Аглаи Епанчиной. Записка эта... нехорошая: «у него душа грязная», заключает уже девица Епанчина. Вранье Елизавете Прокофьевне относительно сватовства к Настасье Филипповне. Грубость в обращении с матерью. Презрение к отцу. Несдержанность по отношению к сестре. Побой (!), которые Гаврила Ардалионович хотел

нанести своей... сестре. Стыд за свою семью и свое материальное положение. Несдержанность в общении с гражданином Мышкиным, брань в его адрес, наконец, пощечина... пощечина (!) князю Мышкину, который вступился за Варвару Ардалионовну!

МЫШКИН. Я Гаврилу Ардалионовича давно простил за тот случай.

ПРОКУРОР. Ну это понятно. Вам бы только прощать. Вот только нам-то что с того. И вообще, не сбивайте меня! И... злоба, неизмеримая бессильная завистливая злоба и бешенство, которые так и сочатся из всех щелей «грязной души». «Здравствуй, Ганька, подлец!», говорим мы Гавриле Ардалионовичу вслед за Рогожиным. «Здравствуй, Ганька, подлец!», повторяем мы снова и снова.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Вот то верно. Подлец и есть! Он за тремя целковыми на Васильевский доползет. Душа у него такая.

ПРОКУРОР. Позвольте привести другие слова гражданина Рогожина: «Да я его всего за сто рублей куплю, дам ему тысячу, ну, три, чтоб отступился, так он накануне свадьбы бежит, а невесту всю мне оставит. Ведь так, Ганька, подлец! Ведь уж взял бы три тысячи! Вот они, вот!».

Гражданин Иволгин – манифестация того обстоятельства, что люди не меняются: по крайней мере, в лучшую сторону. Сто тысяч он Настасье Филипповне вернул! А что потом? Цитирую: «В этом возвращении денег он потом тысячу раз раскаивался, хотя и непрерывно этим тешеславился». Ведь так, подсудимый? Или опять выдумка?

В материалах дела представлена уничижительная характеристика Гаврилы Ардалионовича как человека тщеславного и завистливого: и не только обезличенная характеристика автора материалов дела, но и свидетельство очень неглупого и проницательного молодого человека – Иполита Терентьева.

Единственно Мышкин по обыкновению думает, что Ганя исправится: «Он еще успеет перемениться; ему много жить, а жизнь богата...». Но Ганя не исправится. Это знает и сам Ганя. Напомним один эпизод: получив записку от Аглаи Епанчиной, Ганя «поцеловал ее, прищелкнул языком и сделал антраша». Ибо в его воспаленном воображении снова замаячил призрачный выгодный брак, который гражданин Иволгин так безуспешно «торговал».

АДВОКАТ. Вот слушаю я господина прокурора и не понимаю одного: в чем он, собственно, обвиняет моего подзащитного. Иволгин – несчастный человек. Деньги любит. Возможно, чрезмерно. Так это всегда было. Все их любят! Просто у кого-то они есть. Кому-то они достаются с рождения, или по наследству, или... через постель. А у кого-то их нет! (*Бросает взгляд в сторону Барашиковой.*)

Иволгину, вот, – не повезло. И, заметьте, не повезло вдвойне! Ибо происхождение Гаврилы Ардалионовича давало какие-то надежды на лучшую долю. Не случайно, в обществе, цитирую, «он привык являться как молодой человек с некоторым блеском и будущностью». А здесь – относительная бедность, отец – активный полоумный пропойца. Добавьте неприятие матерью и сестрой Настасьи Филипповны как, цитирую, «падшей женщины». Как ж ему не беситься?

И если все измышления о душе Гаврилы Ардалионовича – правда, то что с того? Эка невидаль! Человек денег алчет. Разбогатеть хочет. Богатым завидует... А судьи кто? Кто те самые великие фигуранты дела, дающие уничижительные характеристики моему подзащитному? Кто? Гражданин Рогожин, на которого деньги с неба упали. Заработал он их трудом праведным, или хотя бы неправедным? Нет! А от денег ведь не отказывается! Швыряется ими направо и налево. Аглая Епанчина, родившаяся если не с золотой, то с позолоченной ложкой во рту. Или Настасья Филипповна, ненавидящая Тоцкого, но живущая у него на содержании...

Побывали бы они в шкуре моего подзащитного, не так бы еще прокрутились. Или брат Коля, который говорит: «Я бы Ганьке всё простил, если б он по любви; да зачем он деньги

берет, вот беда!». Говорит, но живет на жалование брата... Да и не знает еще цену проклятым деньгам... Простительный юношеский максимализм...

Жизненная программа, которую Гаврила Ардалионович излагает князю Мышкину, «капитальная цель», которую он преследует... вполне себе программа и цель, и никакой оригинальностью не отличается. Нужны человеку деньги: семьдесят пять тысяч рублей. «Я денег хочу», – говорит Мышкину мой подзащитный. Что же здесь предосудительного?! И Мышкин говорит Иволгину: «Мне кажется, что это сплошь да рядом случается: женятся на деньгах, а деньги у жены».

Сам подзащитный справедливо считает, что имеются люди и подлее него. Да и князь усмотрел в Гавриле Ардалионович какую-то способность на искреннее чувство. Простил его... Сказал добрые слова: «Я вас подлецом теперь уже никогда не буду считать. <...> Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень и нисколько не оригинальный». Все верно...

И вообще, можно даже согласиться со всеми доводами обвинения. Вот только непонятно, какое наказание следует «прописать» гражданину Иволгину. Он ведь и так наказан. Самим собой. Не так ли, Гаврила Ардалионович? Наказание, которое мы могли бы «присудить» гражданину Иволгину соотносится с его уделом.

ПРОКУРОР. Эх, Гаврила Ардалионович! Скажу от души, по-свойски. Мы ведь здесь все – не ангелы. И господин судья, и господин адвокат. И я! Да вот, и господин делопроизводитель – первый раз его, кстати, вижу – как-то уж больно нервно на все реагирует, будто кается в чем-то... Ну да ладно! (*судья строго, но в чем-то согласительно покашливает*) (*адвокат качает головой в знак согласия*)

По мне, судить вас надо за то, что вы не способны пойти до конца, не способны, как сказано в материалах дела, «подличать, так подличать», и не из боязни подлости, а из-за страха – как бы чего не вышло. Ординарность, ординарность – вот ваш удел и ваша беда.

Как сказал вам Ипполит Терентьев, «...вы тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! Вы ординарность напыщенная, ординарность несомневающаяся и олимпийски успокоенная; вы рутина из рутин! Ни малейшей собственной идее не суждено воплотиться ни в уме, ни в сердце вашем никогда. Но вы завистливы бесконечно; вы твердо убеждены, что вы величайший гений, но сомнение все-таки посещает вас иногда в черные минуты, и вы злитесь и завидуете».

ИВОЛГИН. Да замолчите же, наконец!

ПРОКУРОР. Да мы-то замолчим. Да вот вас жалко, несчастный человек. Эх, Гаврила Ардалионович! Правильно вам господин адвокат сказал: деньги надо было брать из камина. То ваше единственное лекарство. Дурак вы и дурак желчный. Правильно, правильно: не за что вас судить! Точнее, судить может и есть за что, а вот приговор выносить ни к чему. Вы и сами себя за все осудите и накажете. И будете всю жизнь отступать, терпеть, выгадывать и... прогадывать. Впрочем, не такая уж это и редкость.

СУДЬЯ. Ладно. Хватит, господа. Здесь все просто. Все предсказуемо. Здесь человек на своем месте! И бог с ним, как говорится. Следовательно, дело – не в Иволгине. Не в нем. А в ком?

АДВОКАТ. Мне кажется... (*Задумался.*)

СУДЬЯ. Что?

АДВОКАТ. Ведь после предложения, если хотите, делового предложения гражданина Тоцкого в адрес Барашковой о замужестве, та приятно удивила и Тоцкого, и генерала Епанчина спокойными, зрелыми, взвешенными рассуждениями о своей... жизненной ситуации и гордыни, об изменившемся взгляде на вещи, о приятии свершившихся фактов, цитирую: «что сде-

лано, то сделано, что прошло, то прошло»; о желании, цитирую, «воскреснуть, хоть не в любви, так в семействе, сознав новую цель».

Взвешенные замечания о Гавриле Ардалионовиче, о понимании цены денег, о готовности принять капитал, цитирую, «вовсе не как плату за свой девичий позор, в котором она не виновата, а просто как вознаграждение за исковерканную судьбу».

Посудите сами: все как-то начинает выправляться... Начинаются переговоры, общение Настасьи Филипповны с Гаврилой Ардалионовичем. Да, потом, конечно, начинаются какие-то подозрения насчет... души Гани, его намерения жениться только на деньгах, недоброжелательства семьи Иволгиных к браку со «скверной женщиной», и прочее... Но все это... поправимо... в реальной, так сказать, жизни. Но вот потом... Потом появляется какой-то новый блуждающий нерв и наступает какой-то новый раздрай.

И вот представьте себе – замкнутый мир знакомых друг другу людей. Назовите этот мир как угодно, хоть клубком змеиным. Но змеи-то друг с другом как-нибудь уживутся, как-нибудь приладутся... И в этом мире появляется кто-то... новый, кто-то... лишний. И вот этот лишний-то и подозрителен. И мне думается, что этот лишний – Лев Николаевич Мышкин, наш тишайший, сиятельнейший князь.

МЫШКИН. Все верно... Вы, господин адвокат, очень верно заметили. Я – лишний. Конечно же, лишний. Я сейчас уйду! (*внимательно смотрит на адвоката и кивает в знак согласия*)

СУДЬЯ. Вот мы и выясним, в какой мере вы лишний.

МЫШКИН. Нет, нет, я – лишний! Здесь и выяснять нечего. И незачем время на меня тратить. Я всегда лишний, я это знаю! И через эту мою неуместность многим хорошим людям доставил я множество хлопот. И потому, мне должно уйти и не мешать... Вот. **o**

Судья, прокурор и адвокат усмеваются.

ПРОКУРОР. Что значит, уйти? Уход ваш никак невозможен. Уходить надо было раньше! А лучше и не приходите сюда вовсе! Сидели бы себе в Швейцарии, лечились. Альпы, знаете, исцеляют... А теперь, Лев Николаевич, присядьте. Нет-нет. Вот сюда. (*Мышкин садится на привычное ему место для фигурантов дела.*) (*Указывает на скамью подсудимых.*)

Действие четвертое

Мышкин

Прокурор с показной обходительностью препровождает Мышкина на скамью подсудимых.

ПРОКУРОР. Скажу по совести, от чистого сердца: заплутали мы, гражданин Мышкин. Заплутали.

Убили женщину: Барашкову Настасью Филипповну. Дама она, конечно, своеобразная и во многом сама виновата, но уж больно плохо закончила свои дни... Парфен Семенович Рогожин, порывистый, но неплохой, в сущности, человек становится убийцей и отправляется на каторгу. И вообще много чего несуразного происходит у людей. Все трещит по швам. Все идет кувырком. А виноватого нет. Вы понимаете... Виноватого нет... А я к вам давно приглядываюсь.

АДВОКАТ. Ваша честь! Прошу прекратить психологическое давление на моего подзащитного.

МЫШКИН. Как... подзащитного? Меня разве судят?

СУДЬЯ. Вы, гражданин Мышкин, будете теперь у нас подсудимым. Сколько веревочке не виться... Одним словом, Рогожина мы разобрали, Барашкову тоже. К гражданину Тоцкому присмотрелись. Сомнительный человек, порочный. Но в житейском контексте весьма безобидный. Конечно, с поправкой на времена, на нравы. Как говорится: *O tempora! O mores!* Иволгина Гаврилу Ардалионовича судить, право, грешно. Мы до перерыва ваше дело будем рассматривать. А дальше... как карта ляжет. Возможно, никакой перерыв нам уже и не понадобится. Вы меня извините, но уж больно вы подозрительны.

АДВОКАТ. Ваша честь!

СУДЬЯ. Ну, что, ваша честь? Я же не говорю, что Мышкин виновен. Я говорю – подозрителен. Вы сами минутой ранее об этом рассуждали и притом весьма убедительно. Нет, ну разве он не подозрителен? Столько всего наворочено в этом деле – черт ногу сломит. А Мышкин – белый и пушистый. А так не бывает. Не может быть так, чтобы человек был белым и пушистым. У каждого человека должен быть в шкафу свой скелет... Что ж... ищите, ищите, господин прокурор!

ПРОКУРОР. Благодарю, ваша честь! Только что же здесь искать... Открывай дело и читай.

Подсудимый с первого взгляда производит на... э-э-э... земных людей двойное впечатление. Порождает сомнения, вызывает... подозрения! Вот камердинер Епанчиных, Алексей, с проседью, самый, что ни на есть, простой человек, но с весьма наметанным глазом, подумал, что «тут два дела: или князь так, какой-нибудь потаскун и непременно пришел на бедность просить, или князь просто дурачок и амбиции не имеет». Александра Епанчина по знакомству с Мышкиным шепчет своей сестре Аглае: «Этот князь, может быть, большой плут, а вовсе не идиот». И Аглая Ивановна соглашается с мнением сестры.

Тут, конечно, можно говорить о порочном непонимании возвышенной и чистой природы Мышкина, о суждении в меру своей испорченности. Но ведь мир не из одних Мышкиных состоит.

АДВОКАТ. Простите, господин прокурор, а в чем собственно смысл этого вступления?

ПРОКУРОР. А смысл этого нескончаемого вступления в том, что у всякого адекватного человека, сталкивающегося с Мышкиным, возникает законный вопрос: *Who is mister Myshkin?* Вопрос, надо сказать, многотрудный, подчас не имеющий ответа. И вот нам-то с вами и предстоит найти ответ на этот, не побоюсь премудрого определения, метафизический вопрос. Не от мира сего Лев Николаевич. Подсудимый – человек ненормальный.

Сравните себя, гражданин Мышкин, с Иваном Федоровичем Епанчиным, генералом. Цитирую: «Человек без образования и происходит из солдатских детей». Но человек... разумный, имеющий трезвый взгляд на свое положение в обществе, на жизнь... на ЖИЗНЬ. Человек с ясными целями: нажить капитал, обрасти связями, удачно выдать замуж дочерей.

А какие отношения у генерала Епанчина с супругой. Крепкие, стабильные отношения, цитирую, «супругу свою до того уважал и до того иногда боялся ее, что даже любил». Пусть так. Пусть так! Все лучше, чем шарахаться от одной юбки к другой. Да если бы от юбки к юбке! А то, и не от юбки даже, но от одного собственного вымысла к другому.

И знаете, что главное, гражданин Мышкин. Вот генерал Епанчин, он во времени живет. Цитирую, «время терпело, время всё терпело, и всё должно было прийти со временем и своим чередом». Вот жизненная философия Ивана Федоровича.

А вы, гражданин Мышкин, как-то сказали, Рогожину, кажется, о прозрении своем перед самым припадком, когда вам в какую-то секунду, момент, за который «можно отдать всю жизнь», открывается какая-то гармония, «необыкновенный свет», «окончательная причина» и прочая, извините, белиберда. И в этот момент вам «как-то становится понятно необычайное слово о том, что». *времени больше не будет*

Вы слышите, времени больше не будет! Ни много, ни мало. Епанчины и другие люди, Лев Николаевич, живут на земле, во времени. А вы, извините, человек Апокалипсиса... (*Обращается к публике.*)

МЫШКИН. Так ведь я правду говорю. По болезни моей...

ПРОКУРОР. Это вы хорошо сказали, что по болезни. Только вы меня, пожалуйста, не перебивайте. Даже по болезни. Вот вы, гражданин Мышкин, с упоением рассказываете генеральше и девицам Епанчиным, как в швейцарской деревне, где вы изволили то ли лечиться, то ли... бездельничать, расположили против себя все трудовое взрослое население из-за ваших сомнительных представлений о методах воспитания чужих детей.

«Ребенку, – говорит Мышкин, – можно всё говорить, – всё; меня всегда поражала мысль, как плохо знают большие детей, отцы и матери даже своих детей. От детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И как хорошо сами дети подмечают, что отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они всё понимают. Большие не знают, что ребенок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет».

Нет, оно, конечно, так и есть: большие не знают, а Мышкин знает! «Я им все говорил, ничего от них не утаивал», – нахваливает себя подсудимый. Ну и в силу бездушия «их (детей –) отцы и родственники на меня рассердились все», «у меня много стало там врагов». Действительно, вопиющая несправедливость: устроить гонения на праведника! *И. Т.*

«Потом меня все обвиняли, – Шнейдер (лечащий врач Мышкина в Швейцарии –) тоже, – зачем я с ними говорю, как с большими и ничего от них не скрываю, то я им отвечал, что лгать им стыдно, что они и без того всё знают, как ни таи от них, и узнают, пожалуй, скверно, а от меня не скверно узнают. Стоило только всякому вспомнить, как сам был ребенком. Они не согласны были...», и даже «начали обвинять меня, что я испортил детей». *И. Т.*

И правда, странно-то как!

Ау, гражданин Мышкин!

А зачем вы в самом начале истории, во время знакомства с Епанчиными, сравнили Аглаю Ивановну с Настасьей Филипповной, встревожив почтенное семейство? Зачем рассказали про фотографию? Зачем выставили заговорщиками генерала Епанчина и Гаврилу Ардалионовича Иволгина? Может, никакой вы не правдолюбец, а просто глупый и вредный болтун? «Бесстыдный вы болтунишка!». А? Хорошо припечатал вас Гаврила Ардалионович!

Задаёт вам человек по фамилии Фердыщенко прямой вопрос: «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко!». Так ответьте прямо: «Никоим образом». А вы: «Отчего же нет?».

МЫШКИН. Так ведь я...

ПРОКУРОР. Да-да. Так ведь вы дверь в квартиру Иволгиных открыли Настасье Филипповне. Просили вас о том? Вы что, камердинер? Постояла бы, да, глядишь, и ушла. И не было бы скандала... Нет! Мышкин тут как тут! Заходит Настасья Филипповна и принимает подсудимого за лакея, проницательно называя его сумасшедшим и... идиотом.

И ведь я пересказал лишь первые, начальные страницы дела. И везде вы у людей как...

МЫШКИН. Так ведь я...

ПРОКУРОР. А что вы потащились на день рождения Настасьи Филипповны? Звали вас туда? Что вы там забыли?

МЫШКИН. Так ведь я... Я только хотел...

ПРОКУРОР. Что вы хотели? Ну, что? Идете к Барашковой, а сами, как следует из материалов дела, «решительно не находите успокоительного ответа» на вопрос, «что же он там делает и зачем идет?».

МЫШКИН. Я только хотел подвигнуть Настасью Филипповну не выходить замуж за человека, который любит не ее, а ее деньги!

ПРОКУРОР. Подвигнуть, значит, хотели. Только и всего. Вам-то что до замужества Настасья Филипповны? Ну, конечно! Все вокруг дураки, один вы все понимаете. Ну и куда привел Барашкову ваш вердикт, касающийся брака с Иволгиным? На тот свет! Тоцкий Афанасий Иванович и генерал Епанчин старались, умасливали Барашкову. А вы... испортили людям хорошую комбинацию! А люди, между прочим, только и хотели, что жизнь свою устроить на нашей грешной земле.

МЫШКИН. Ах, если бы знать!

ПРОКУРОР. Ну, если бы знать! А незнание последствий не освобождает от ответственности. О-хо-хо-х... Гражданин Мышкин бесцеремонно расстраивает брак Настасья Филипповны с гражданином Иволгиным. И вот уже Иван Федорович Епанчин бормочет в расстроенных чувствах: «Но князь, почему тут князь? И что такое, наконец, князь?». А князь – заноза в филейной части тела!

МЫШКИН. Нет-нет, я не заноза...

ПРОКУРОР. Да заноза вы форменная! О-хо-хо-х, подсудимый Мышкин. Я ведь сам знаю, говорите вы, «что меньше других жил и меньше всех понимаю в жизни». Так вот в жизни вы ничего не понимаете, а везде нос свой суете. И решение выносите судьбоносное по велению взбалмошной дамы.

МЫШКИН. Я не сую, я просто...

ПРОКУРОР. В жизни все так сложно, так путано. А тут еще и вы! Не буду говорить о том, куда мостится дорога намерениями злыми. Да вот благие намерения нередко ведут прямым путем в преисподнюю. Бывает, что намерения и результат этих намерений расходятся разительно. Хочет некий благодетельный человек сделать нечто... благое, а на поверку от этого его благопожелания одни убытки людям.

АДВОКАТ. Да, у Мышкина есть идеалы!

ПРОКУРОР. Да, у Мышкина есть кое-какие идеалы. Но мы, господин адвокат, судим не идеалы, а Мышкина! Идеалы – сами по себе. А их носители – сами по себе. А вот воплощение этих идеалов представляет для нас особенный интерес. Очень хорошо, что вы вспомнили об идеалах. Так вот извольте выслушать мои идеалы.

Мой идеал – здравая планка, задаваемая Евгением Павловичем Радомским на дне рождения Мышкина: «...я пришел искать вашей дружбы, милый мой князь; вы человек бесподобнейший, то есть не лгуций на каждом шагу, а может быть, и совсем». А вот еще одно признание человека разумного – Радомского – Мышкину: «...мне хоть раз в жизни хочется сделать совершенно честное дело, то есть совершенно без задней мысли...».

Евгений Павлович верит, что Терентьев после своей исповеди и несостоявшегося самоубийства «способен убить десять душ» и что Мышкин может оказаться в их числе. Мышкин тоже допускает такую возможность, но не хочет в это верить: «Всего вероятнее, что он никого не убьет»; «перед самым сном он вспомнил, что Ипполит убьет десять человек, и усмехнулся нелепости предположения». Вот и разница между нормальным предусмотрительным человеком, с одной стороны, и идеалистом, с другой. *теперь*

А вот еще идеал – здоровые жизненные ориентиры Варвары Птицыной – сестры Гаврилы Ардалионовича Иволгина и супруги дельца средней руки Ивана Петровича Птицына: «Варвара Ардалионовна вышла замуж после того как уверилась основательно, что будущий муж ее человек скромный, приятный, почти образованный и большой подлости ни за что никогда не делает. О мелких подлостях Варвара Ардалионовна не справлялась, как о мелочах; да где же и нет таких мелочей? Не идеала же искать! К тому же она знала, что, выходя замуж, дает тем угол своей матери, отцу, братьям. Видя брата в несчастьи, она захотела помочь ему, несмотря на все прежние семейные недоумения». Налицо практичность и не злобливое сердце. Плетет свою паутинку в доме Епанчиных, помогая брату. В материалах дела сказано, что Варвара Ардалионовна, как разумный человек, «ни в чем не упрекала себя», не мучилась угрызениями совести.

Вот они – идеалы, помогающие решать жизненные проблемы. Решать проблемы! Не идеала же искать – вот главный идеал! И заметьте, что такой идеал, возьмите его хоть в кавычки, идет на пользу не только людям, его придерживающимся. Придет Терентьев убивать десять человек, а его уже поджидают. Скрутят по рукам и ногам, и убийство отведут, и предотвратят... уголовное преступление...

Скажите, подсудимый, а зачем вы вообще в Россию приехали? За наследством? В Швейцарии поиздержались?

МЫШКИН. Не только. Хотел послужить отечеству, приобщиться...

ПРОКУРОР. Послужить?! (с иронией)

МЫШКИН. Да, послужить.

ПРОКУРОР. Послужить! Ха-ха-ха... Скажите, вы что, в самом деле идиот? (с удвоенной иронией)

АДВОКАТ. Ваша честь, я протестую!

СУДЬЯ. Господин адвокат, пусть подсудимый ответит. Нам важно знать, в интересах дела, считает ли подсудимый себя... не вполне дееспособным.

ПРОКУРОР. Благодарю, ваша честь!

МЫШКИН. Я признаю, что в некоторые периоды жизни не вполне контролировал себя... свое здоровье... Меня нередко называли идиотом, да и сам я понимал, что частые припадки болезни сделали из меня совсем почти идиота. Знаете, я и сам себя так подчас называл! «Если болезнь усиливалась и припадки повторялись несколько раз сряду, впадал в полное отупение, терял совершенно память, а ум хотя и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось». Но ныне чувствую себя удовлетворительно, здоровым и сильным. И отдаю отчет... И прошу господина прокурора, по возможности, не высказываться обо мне в таком ключе.

ПРОКУРОР. Замечательно! Вот, что говорится в материалах дела: «Я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота; но какой же я идиот теперь, когда я сам понимаю, что меня считают за идиота?». И вот еще, цитата: «Я вхожу и думаю: «Вот меня считают за идиота, а я все-таки умный, а они и не догадываются...». У меня часто эта мысль».

МЫШКИН. Именно так. Я готов эти слова подтвердить.

ПРОКУРОР. Замечательно! А то, как же это – судить идиота! Начнешь судить, а тебе белый билет на стол! Идиоту место в сумасшедшем доме, а не на скамье подсудимых... Так вы, гражданин Мышкин, утверждаете, что хотели послужить России?

МЫШКИН. Именно так.

ПРОКУРОР. Что ж, вы ей хорошо послужили. Вы хотя бы понимаете, какой урон нанесли репутации отчизны?

МЫШКИН. Какой же урон?

ПРОКУРОР. Santa simplicitas – святая простота. Он еще спрашивает, какой урон? Какой урон?! Нет, уезжает человек из России в Швейцарию в вегетативном состоянии. Там – в Швейцарии, на Западе, на ЗАПАДЕ (!) – его лечат, ставят на ноги. И человек возвращается на родину, которой хочет каким-то непостижимым образом послужить: наверное, своей каллиграфией. И вот, пробыв на этой самой родине с полгода, он сходит с ума!

Вы хотя бы понимаете, славный наш подсудимый, что льете воду на мельницу русофобских сил! Даете козыри нашим хулителям! О, вы хорошо послужили своей стране! По вам 275-я статья плачет. Государственная измена, между прочим. Получается: вы, Мышкин, – хотя и невольный, но... очевидный... изменник!

МЫШКИН. Я... нет-нет... я не изменял!

ПРОКУРОР. Не изменял... *(передразнивая)*

МЫШКИН. Я попрошу!

ПРОКУРОР. Ладно! Проситель выискался!.. Ну, ладно, ладно... бог с ней, с Россией... То есть Бог – с ней, с Россией! Родина – мать наша – и не такое претерпевала. И потому... давайте оставим Россию в покое и поговорим о ваших наветах в адрес... Рогожина Парфена Семеновича. *(Говорит с небрежением, но тут же исправляется.)*

ПАРФЕН РОГОЖИН. Вона как.

МЫШКИН. Каких же наветах?

ПРОКУРОР. Вы помните историю с китайской вазой?

АДВОКАТ. А при чем здесь ваза?

МЫШКИН. Помню. Я разбил дорожную вазу в загородном доме Епанчиных. Право, это вышло совершенно случайно, как-то нелепо.

ПРОКУРОР. Что нелепо, то верно. Но почему вы ее все-таки разбили?

МЫШКИН. Говорю же: чистой воды случайность.

ПРОКУРОР. Ой-ли? Разве не убеждаемся мы на примере злосчастной китайской вазы в баснословной силе наговора? Ибо разбитую вазу накликала Аглая Ивановна Епанчина. «Разбейте по крайней мере китайскую вазу в гостиную!», – говорит вам девица Епанчина. «Она дорого стоит; пожалуйста, разбейте; она дареная, мамаша с ума сойдет и при всех заплачет, – так она ей дорога. Сделайте какой-нибудь жест, как вы всегда делаете, ударьте и разбейте».

И вот... ваза разбивается. Прочитирую описание реакции Мышкина: «...о, что было с князем, то трудно да почти и не надо изображать! Но не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившимся из толпы всех других смутных и странных ощущений: не стыд, не скандал, не страх, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество!». Да! Сбывшееся пророчество. Так вот: слово – материально!

АДВОКАТ. Случайность!

ПРОКУРОР. Случайность? А в деле имеется и другой эпизод, когда толкователь Апокалипсиса Лебедев напророчил Нилу Алексеевичу, который вскорости богу душу и отдал: «Из коляски упали после обеда... височком о тумбочку, и, как ребенок, как ребенок, тут же и отошли».

Повторяю: слово – материально, мысль – материальна! И Мышкин, подозревая другого человека в наличии злого умысла, подозревая, быть может, не со зла, по сути, кодирует, обрекает его на воплощение этого самого умысла. Так вот, не кто иной как Мышкин отравляет мятежную, но... чистую натуру Парфена Рогожина антихристовым соблазном!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Ишь ты, как.

ПРОКУРОР. Именно так! Мысль об убийстве Рогожиным Барашковой то и дело оживает в голове Мышкина, озаряет его сознание. Но если убийство привечают столь усердным образом, оно не может не свершиться, как не может не разбиться злополучная китайская ваза.

Из материалов дела следует, что гражданин Мышкин время от времени наговаривает на гражданина Рогожина за глаза. Утверждает себя и окружающих в способности Рогожина совершить тягчайшее преступление. Вот, что Мышкин отвечает на расспросы генерала Епанчина и гражданина Иволгина о Рогожине и его намерениях относительно Настасьи Филипповны, цитирую, «мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти». А теперь самое интересное: «А Рогожин женился бы? Как вы думаете?», – спрашивает Иволгин. «Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женился бы, а чрез неделю, пожалуй, и зарезал бы ее», – заявляет подсудимый.

ПАРФЕН РОГОЖИН. Ишь оно как...

ПРОКУРОР. Мышкин злословит, очерняя Барашкову и Рогожина, настраивая их отношения на разлад, на драму. Вот, что он говорит Рогожину, уподобляя себя Господу Богу: «... всегда говорил, что за тобою непременно гибель. Тебе тоже гибель... может быть, еще пуще, чем ей». *ей*

И ведь Мышкин признается себе в этом своем грехе! Третья глава части второй материалов дела – сеанс саморазоблачения подсудимого. «Что же, разве я виноват во всем этом?», вопрошает себя Мышкин, исторгая чувство вины. Он в себе копается и находит эту свою вину. Сознается в том, что обманывает Рогожина, а, возможно, и самого себя в отношении к Настасье Филипповне. Раскаивается в том, что буквально внушает себе убеждение в намерении Рогожина убить и его, Мышкина. Подсудимый называет это самовнушение «внезапной своей идеей», «своим демоном». Но ведь говорят о воздаянии по вере! Если веришь в демона, призываешь демона, то демона и накликаешь.

Так вот, размышляя о покушении Рогожина на его, Мышкина, жизнь в трактире, подсудимый говорит, что подозревал Рогожина в злонамеренном умысле: «Не подыми ты руку тогда на меня (которую бог отвел), чем бы я теперь пред тобой оказался? Ведь я ж тебя все равно в этом подозревал, один наш грех, в одно слово!». Цитирую: «Один наш грех, в одно слово!».

А вот еще один эпизод. Мышкин, в порыве... самоанализа, говорит себе: «О, как он непростительно и бесчестно виноват пред Рогожиным! Нет, не „русская душа потемки“, а у него самого на душе потемки, если он мог вообразить такой ужас». Речь опять-таки идет об убийстве, которого все, с подачи Мышкина, и Мышкин первый, просто ждут от Рогожина!

Я много думал о вас, подсудимый Мышкин. Вот вы неплохой, вроде бы, человек. На первый взгляд, безвредный. Этаким «божий одуванчик». А на поверку вреда от вас много больше, чем от иного конченного негодяя или злодея. Вот смотрю я на вас и во мне почему-то просыпается желание вас... убить! Даже не знаю, как такое возможно! Настолько вы... неуместны.

МЫШКИН. Да как же так?

ПРОКУРОР. Да вот так...

В минуты раздумий Мышкин говорит себе: «Впрочем, если Рогожин убьет, то по крайней мере не так беспорядочно убьет». И тут же: «...разве решено, что Рогожин убьет?!». «„Не преступление ли, не низость ли с моей стороны так цинически-откровенно сделать такое предположение!“, – вскричал он, и краска стыда залила разом лицо его».

Между прочим, подобные измышления подпадают под действие пункта первого статьи 128 Уголовного кодекса Российской Федерации «Клевета».

АДВОКАТ. Ваша честь! Конституционное право на свободу мысли никто не отменял. Подзащитный делает... предположения относительно намерений гражданина Рогожина с чистым сердцем, печалась и за Рогожина, и за Настасью Филипповну... стараясь... э-э-э... оградить... предупредить... разубедить себя... Да и не всегда он за глаза о Рогожине говорит.

Он и в лицо говорит, что думает: «Всякого, кроме тебя, лучше, потому что ты и впрямь, пожалуй, зарежешь, и она уж это слишком, может быть, теперь понимает». Так и говорит Рогожину!

ПАРФЕН РОГОЖИН. Да, так и сказал.

ПРОКУРОР. Как же – оградить, предупредить, разубедить... Разубедить в том, в чем сам себя и убедил! И потом, какая же это свобода мысли? О мысли – никто не знает. А эти мысли внесены в материалы дела, а, значит, высказаны и вынесены в публичное пространство!

Мышкин отождествляет впервые виденного им племянника Лебедева с убийцей шести человек! Этих... как их... Жемариных! Отождествляет всецело на том основании, что племянник Лебедева ему не понравился: «И какой же, однако, гадкий и вседозволенный прыщик этот давешний племянник Лебедева!», – говорит себе Мышкин. И тут же бичует себя за эти помыслы, попрекает, вопрошая, «что же он взялся их так окончательно судить, он, сегодня явившийся, что же это он произносит такие приговоры?».

Недобрые мысли Мышкина не являются «достоянием» гражданина Рогожина или племянника Лебедева. Вот Мышкин на даче Лебедева впервые видит Евгения Павловича Радомского, в компании генерала Епанчина. Мышкин начинает подозревать абсолютно незнакомого человека в искрометном коварстве в контексте истории о так называемом «рыцаре бедном», в насмешливости и недобрых намерениях. Потом меняет подозрение на расположение, а потом вновь начинает подозревать гражданина Радомского.

АДВОКАТ. Обычная человеческая черта. Слабость, прихоть, если хотите. Нет, ну мало ли что мой подзащитный подозревал. И правильно подозревал... как выясняется. Естественная психологическая реакция – защитная реакция! А если мой подзащитный считает себя виновным, то это его право, но к делу чувство вины Мышкина не пришьешь.

ПРОКУРОР. Еще как пришьешь. Я же говорю: сеешь ветер – пожнешь бурю!

АДВОКАТ. А при чем здесь Мышкин и буря?! Нет, ну мало ли, о чем может сказать мой подзащитный в экзальтации! Он, может, возьмет на себя все грехи мира. Что ж нам его, распинать! Мышкин во всем виноват, так получается? Знаете, есть материи, в которые один только Господь и может вникнуть, и не нам судить на основе признаний Мышкина...

ПРОКУРОР. Господь, говорите... вникнуть может... А что, если каждый человек и есть себе Господь Бог, и сам себя после смерти судит. Следовательно, виновным получается только тот человек, который сам считает себя виновным. А, так сказать, «свято» верящий в собственную безнаказанность – неподсуден. В том-то и фокус!

Каждому достанется по вере его: слышали, наверное. «Тварь ли я дрожащая или право имею...». Вопрос вопросов. Так вот, если человек решит, что правомочен, а потом, старуху-то процентщицу порешив, поймет, что никаких прав не имеет, а является тварью дрожащей: вот тут-то он в капкан и попадает, вот тут-то он и виноват. И ничего с этим поделывать нельзя, как ни крути...

АДВОКАТ. Ваша, господин прокурор, теория вины перед Господом, отождествляемым с божественной человеческой совестью, занимательна, хотя и не оригинальна. Но вот на выходе получается полная несуразность: мой подзащитный виноват, а какой-нибудь Фердыщенко и все скопище подобных ему... людей ни в чем не виноваты, ибо никакой вины за собой не видят, а видят только свое «угнетенное», в кавычках, положение и без зазрения совести, которой у них нет, стремятся извлечь выгоду, обманывая Мышкина.

Получается, что Ставрогин, дело «Бесов», – виноват, ибо сам признал за собой вину и не выдержал мук совести, а Верховенский – не виноват. Ибо ни в чем не раскаивается и, значит, не наказуем и ТАМ, ибо никакого внешнего, объективного рассмотрения жизненного пути подсудимого не предвидится, а Страшный суд есть проекция представлений человека о своих поступках, и вопрос его собственного восприятия этих поступков и намерений, и прощения непотребств самому себе?! (указывает вверх)

ПРОКУРОР. Получается так! Помните, речь адвоката... Другого. Из рассматриваемого нами дела. О том, что, цитирую, «ничего нет естественнее, чем по бедности шесть человек укокошить». Так вот, если по совести укокошить и не раскаяться потом в малодушии, то, быть может, и не будет в том никакой последующей кары! И, кстати говоря, вера и смертоубийству не помеха. Гражданин Рогожин так, кажется, говорил: «Один совсем в бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве...».

К чему я все это говорю? Может, потому, мы и судим Мышкина? Может, потому именно он и остался на заклятие, что сам, САМ (!), как магнит, притягивает карающий меч правосудия?

Тоцкого мы уже судили. С него как с гуся вода! На «страшном суде» своей совести скажет: «Сластолюбец! Сластолюбец закоренелый и в себе не властен!», и... оправдается! А Мышкин – не скажет. Он станет винить себя и подтвердит собственную виновность и наш приговор. И не мы Мышкина обвиняем, он сам себя многократно обвинил и приговорил. Приговорил совершенно не как Ганя Иволгин. У того приговор иного рода. От бессилия достичь желаемого, от невозможности утолить голод тщеславия. Нутро Мышкина взрывает острое ощущение собственной вины!

АДВОКАТ. Господин прокурор, но нельзя же судить человека на основании его впечатлительности! Ну, считает человек, что всегда и во всем виноват! И что теперь, это его мнение – царица доказательств? Да, Мышкин имеет привычку во всем себя винить. Вспомните сцену его бесцельных хождений по городу, его бормотание, упомянутое вами, господин прокурор: «Что же, разве я виноват во всем этом?». Переливы настроения, острая потребность в уединении, сменяющаяся ощущением невыносимости этого уединения... Мышкин ни в чем не отдает отчета...

И, кстати, чувство вины Мышкина не является стабильным. В известном разговоре с Елизаветой Прокофьевной Епанчиной на весьма резкий вопрос: «Виноват или нет?», с требованием признания вины, Лев Николаевич отвечает обдуманно: «Столько же, сколько и вы. Впрочем, ни я, ни вы, мы оба ни в чем не виноваты умышленно. Я третьего дня себя виноватым считал, а теперь рассудил, что это не так».

ПРОКУРОР. Да, господин адвокат: разумные, разумные доводы... Но, может, вы все-таки путаете причину и следствие? Почему, собственно, вы считаете, что чувство вины следует за душевной неустроенностью Мышкина? Быть может, осознание вины является источником этой неустроенности? Возможно, то обстоятельство, что иные бессовестные люди не видят за собой ни в чем вины, не отменяет правомочности выводов Мышкина о его собственной вине? Быть может, что-то гложет совестливого Мышкина? А нестабильность чувства вины... является, цитирую господина адвоката, «естественной психологической реакцией – защитной реакцией».

АДВОКАТ. Хорошо! И в чем же источник чувства вины Мышкина?

ПАРФЕН РОГОЖИН. А Мышкин, что, испарился? Лев Николаевич, в чем источник твоего чувства вины?

АДВОКАТ, ПРОКУРОР. Он не знает. *(говорят одновременно)*

МЫШКИН. Я... я... и правда не знаю, Парфен.

ПРОКУРОР. Смотрите, вот ведь приходят подсудимому здравые мысли, цитирую: «...ему ужасно вдруг захотелось оставить всё это здесь, а самому уехать назад, откуда приехал, куда-нибудь подальше, в глушь, уехать сейчас же и даже ни с кем не простившись. Он предчувствовал, что если только останется здесь хоть еще на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю».

А потом что-то тянет его на дно мертвым грузом, какие-то глупые и лицемерные самовнушения, увещевания: «Но он не рассуждал и десяти минут и тотчас решил, что бежать „невозможно“, что это будет почти малодушие, что пред ним стоят такие задачи, что не разрешить

или по крайней мере не употребить всех сил к разрешению их он не имеет теперь никакого даже и права».

Так что же вменяет себе в вину Мышкин, в чем себя обвиняет? Едва ли Мышкин думает о малодушии или стоящих перед ним задачах по спасению отечества. Это не то. Это всё отговорки, самооправдание...

Наш человеколюбец думает... о СЕБЕ, о своем личном счастье. Он ищет его! На мой вопрос: «А что вы потащились на день рождения Настасьи Филипповны?», Мышкин ответил, что единственно хотел подвигнуть Настасью Филипповну не выходить замуж за Иволгина, который желает исключительно ее приданого! Вот только единственным ли желанием добра Барашковой руководствовался подсудимый? Может, и для себя чего-то хотели, подсудимый Мышкин? Зачем Настасье Филипповне выходить за Иволгина, если можно выйти... за вас! Вы же ее... возлюбили и деньги у вас имеются. «В вас все совершенство», трепетно говорит добрый князь Мышкин Настасье Филипповне. Нет, здесь доброта безграничная!

Итак, гражданин Мышкин ищет земного счастья и, как это часто случается в жизни, получает это счастье за счет неустроенности других людей. При этом Мышкин остро реагирует на лиц, мешающих его счастью. Вот Коля Иволгин признается Мышкину, что изменил отношение к брату, что увидел в нем хорошее... И что же гуманист Мышкин? А Мышкин говорит Коле: «Вы напрасно слишком жалеете брата». Что же стоит за этими словами? Ревность! Ревность! «Вы адски ревнуете Ганю к известной гордой девице!», – смеется Коля. Адски ревнует, адски!

А вот незадолго до разговора с Колей гражданин Келлер, намеренно оплевавший Мышкина в известном фельетоне, смешавший его с грязью, приходивший выбивать с него деньги, с радостным пылом живописует перед Мышкиным свои низости, чуть ли не похваляясь ими. А Мышкин «занимает», по сути, дарит Келлеру деньги, и разве что в уста не целует, ибо Келлер счастьем Мышкина с «известной гордой девицей» не мешает.

А Келлер еще и потешается над Мышкиным: «О, князь, как вы еще светло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!»; «О, князь, до какой степени вы еще, так сказать, по-швейцарски понимаете человека». Получив деньги, изгаляется: «Раньше двух недель за деньгами не приду». И ничего!

Когда Мышкин отвалил Настасью Филипповну от брака с Иволгиным, когда клеветал на Рогожина, делая безответственные заявления относительно будущих событий с участием этого человека, то, конечно же, руководствовался не только своими так называемыми идеалами. Скажу более: идеалами там и не пахло!

Мышкин говорит Аглае Епанчиной о Барашковой и Рогожине: «Я не верю в ее счастье с Рогожиным, хотя... одним словом, я не знаю, что бы я мог тут для нее сделать и чем помочь, но я приехал». Какое твое дело до счастья Настасьи Филипповны с Рогожиным? Может, без тебя-то все и образуется... Или очередное лукавство? Ведь ценит же Мышкин свое счастье. И не просто свое счастье. А свое счастье на весах с несчастьем ближнего своего.

Подсудимый говорит Аглае Ивановне, что уже не может любить Настасью Филипповну, которая, по словам собеседницы Мышкина, в него влюблена. А теперь – внимание! Аглая Ивановна взывает Мышкина пожертвовать собой: «Так пожертвуйте собой, это же так к вам идет! Вы ведь такой великий благотворитель». Мышкин благоразумно отвечает: «Я не могу так пожертвовать собой, хоть я и хотел один раз и... может быть, и теперь хочу. Но я знаю, что она со мной погибнет, и потому оставляю ее». Дальнейший ход дела позволяет нам уличить гражданина Мышкина в двойной лжи. Во-первых, он врет Аглае Ивановне насчет своей неспособности любить Настасью Филипповну. Во-вторых, он врет, что оставляет ее. Черта с два он ее оставляет! *наверно*

Мышкин в сердцах говорит Рогожину о своем возвращении в Петербург: «Не хотел я ехать сюда! Я хотел всё это здешнее забыть, из сердца прочь вырвать!». Ехать – не хотел.

Забывать – хотел. Что же ты приехал, друг ситный? Что ты все у людей под ногами путаешься? Что ты все ползаешь промеж них?

Мышкину время от времени приходит здравая мысль о том, что в обществе он, вечно виноватый, – человек лишний: «... я сейчас уйду. Я знаю, что я... обижен природой. ... Я сейчас уйду, сейчас, будьте уверены... в обществе я лишний...». «И пусть, пусть здесь совсем забудут его. О, это даже нужно, даже лучше, если б и совсем не знали его и всё это видение было бы в одном только сне. Да и не всё ли равно, что во сне, что наяву!». Уйду, да уйду, и при этом никуда не уходит! Пусть забудут, да забудут, но при этом все время о себе напоминает! Мысли здравые – налицо, а толку от этих мыслей – ноль.

А почему не уходит, а? Почему? Who is mister Myshkin? Вот в чем вопрос!

АДВОКАТ. Не уходит из-за простительного здорового эгоизма, которым Мышкин руководствуется в поисках простого человеческого счастья.

ПРОКУРОР. Именно! Исключительно из эгоизма, который сводится к поиску простого человеческого счастья за счет бед, выпадающих другим искателям этого самого счастья. Ибо счастья, так уж оно устроено, на всех не хватает!

Вы, гражданин Рогожин, изволили заметить, что мы много о Мышкине говорим, как если бы его здесь не было. Что ж, давайте узнаем мнение подсудимого по одному такому... незначительному... эпизоду с Ипполитом Терентьевым. Эпизод этот как раз и связан с пресловутым счастьем. Вы, подсудимый, кажется, жалели Терентьева? Что это вы так о нем пеклись? Какой ваш интерес в этом попечении?

МЫШКИН. Никакого... никакого интереса. Кроме простого участия. Ведь ясно, что Терентьев очень нуждался в сочувствии, в доброжелательном внимании.

ПРОКУРОР. И вам, конечно же, больше всех надо!

МЫШКИН. Как вы можете так говорить! Ведь этот молодой человек умирал от чахотки. Он... глубоко несчастен.

ПРОКУРОР. Да... Видимо, я говорю так о вашем участии к Терентьеву в силу душевной черствости. Ведь в отличие от подсудимого я не готов принимать беды ближнего своего как свои. Да и какой он мне ближний! Да и вам, гражданин Мышкин...

МЫШКИН. Нет-нет, именно ближний! Самый что ни на есть ближний. Каждый человек является друг другу ближним. Я в этом глубоко убежден!

ПРОКУРОР. Что ж, давайте запомним эти слова. А теперь давайте вернем эти слова сердобольному гражданину Мышкину. Бумерангом. Итак, напомните нам, подсудимый, что вы предложили несчастному, пребывающему на последнем издыхании Терентьеву, когда он обратился к вам с просьбой, если хотите, с последней просьбой подсказать, как ему лучше умереть?

Мышкин побледнел, сник и закрыл лицо руками.

Да! Мышкин предложил Ипполиту Терентьеву пройти мимо и простить «нам», то есть здравствующему Мышкину и другим счастливым людям, цитирую, «наше счастье»: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье! – проговорил князь тихим голосом».

Вот вы, господин адвокат, могли бы предложить смертельно больному человеку, вопрошающему в душевном отчаянии: «Как мне всего лучше умереть?», пройти мимо вас и простить вам ваше счастье?

АДВОКАТ. Я бы так и поступил.

ПРОКУРОР. Нисколько в этом не сомневаюсь! Знаете, скажу, как на духу: я тоже! То есть, быть может, не совсем так: сказал бы иначе, попроще, то есть, покороче. Вот только Мышкин у нас – не такой. Мышкин – почти святой! И такая восхитительная черствость!

МЫШКИН. Нет, нет... Господин прокурор прав. Я виноват! Ах, как же я виноват! Сказанное мною Терентьеву – ужасно! Непростительно! Признаться, был в каком-то мроке. Ах, как я бы хотел повиниться перед Терентьевым! Где же он? Ему помогли? Его вылечили? **o**

ПРОКУРОР. Терентьев скончался. Как следует из материалов дела, «в ужасном волнении».

МЫШКИН. Да-да, скончался... В ужасном волнении... *(в оцепенении)*

ПРОКУРОР. Да, недели через две после убийства Настасьи Филипповны. С душевной, так сказать, раной и в «ужасном волнении». Наверное, разочарованный в роде людском, чему вы, в немалой степени, должно быть, поспособствовали.

Помните слова Терентьева в ваш адрес. Эти слова обжигают сердце даже мне. Вы... тихим голосом (!): «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!». Терентьев: «Ха-ха-ха! Так я и думал! Непременно чего-нибудь ждал в этом роде! Однако же вы... однако же вы... Ну, ну! Красноречивые люди! До свиданья, до свиданья!». Смех... смех сквозь слезы израненной души, простреленной навывлет!

МЫШКИН. Ах, какое горе! Как же я мог!

ПРОКУРОР. И правда, горе великое. Вот и раскрывается: who is mister Myshkin. И знаете, что можно сказать в этой связи? Что дьявол – в мелочах. Что самый маленький эпизод, штрих, штришок такой еле заметный, подчас говорит о человеке больше, чем вся его большая «праведная» жизнь. Одно слово вырвется из человека, а слово – не воробей, и... карточный домик репутации рушится на глазах. До основания. И мы понимаем, что человек... э-э-э... не совсем тот, за кого себя выдает. Можно такое сказать, гражданин Мышкин? Можно! Можно сказать, что вам, подсудимый, не стоит усердствовать в выпячивании вашей наигранной скорби в связи со смертью Ипполита Терентьева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.